

Генри Райдер Хаггард Голова ведьмы

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Генри Райдер Хаггард

Голова ведьмы

«ВЕЧЕ»

1885

Хаггард Г.

Голова ведьмы / Г. Хаггард — «ВЕЧЕ», 1885 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-7679-2

Жизнь сироты Эрнеста полна взлетов и падений. Он любит жизнь и движется вперед. Но зыбучие пески милой сердцу Англии сменяются красным песком Изандлваны, в клочья разрывающей сердце. Два шага вперед, один назад. Что движет им? Любовь или злая судьба? Он верит в свою путеводную звезду. Вот только какая она? В очередной том «Мастеров приключений» входит роман Генри Райдера Хаггарда «Голова ведьмы», написанный непосредственно перед знаменитыми «Копьями царя Соломона». Переходный этап от Диккенса к Стивенсону. История с элементами мистики, африканской экзотики и глубоко скрытой личной драмы писателя, отголоски которой проходят через все его творчество. На русском языке публикуется впервые.

ISBN 978-5-4484-7679-2

© Хаггард Г., 1885

© ВЕЧЕ, 1885

Содержание

Библиография Генри Райдера Хаггарда	7
Книжные публикации	7
Голова ведьмы	10
Книга I	11
Глава 1. Явление Эрнеста	11
Глава 2. Реджинальд Кардус, эсквайр, мизантроп	15
Глава 3. Старый Дум Несс	20
Глава 4. Мальчики	25
Глава 5. Обещание Евы	28
Глава 6. Джереми влюблен	32
Глава 7. Эрнест неосторожен	36
Глава 8. Идиллия в саду	40
Глава 9. Ева что-то находит	47
Глава 10. Находка Евы	52
Глава 11. Глубокие воды	57
Глава 12. Еще глубже	62
Глава 13. Мистер Кардус объявляет о своих планах	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Генри Райдер Хаггард

Голова ведьмы

© Налепина Д.А., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

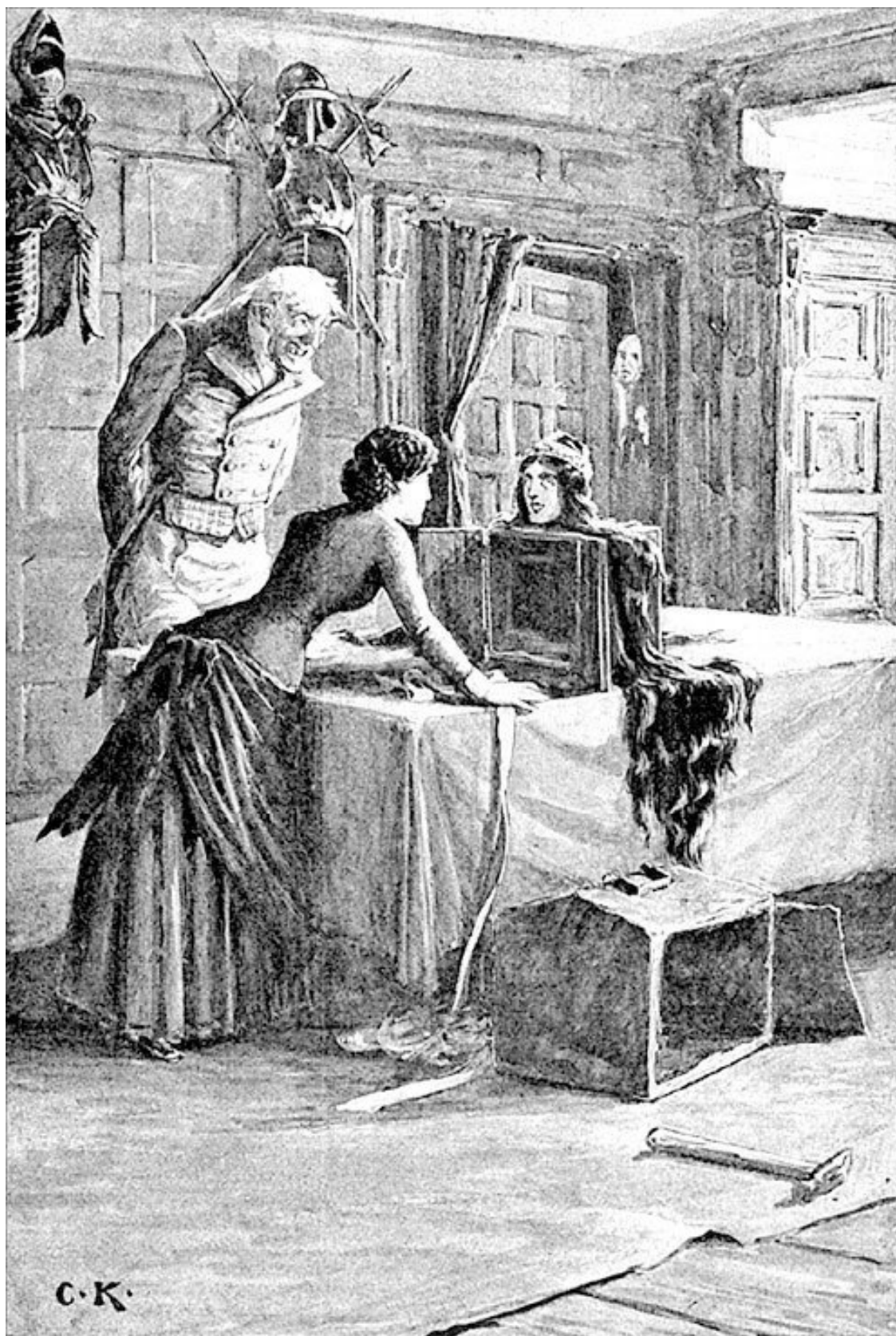
Генри Райдер Хаггард

Библиография Генри Райдера Хаггарда

Книжные публикации

- [герои серий: *А – Аиша, *А.К. – Аллан Квотермейн]
«Рассвет» (Dawn, 1884)
«Голова ведьмы» (The Witch,s Head, 1884)
«Копи царя Соломона» (King Solomon,s Mines, 1885) *А.К.
«Она» (She. A History of Adventure, 1886) *А
«Джесс» (Jess. A Tale of the Boer War, 1887)
«Аллан Квотермейн» (Allan Quatermain, 1887) *А.К.
«Завещание мистера Мизона» (Mr. Meeson’s Will, 1888)
«Месть Майвы» (Maiwa’s Revenge, 1888) *А.К.
«Полковник Кварич» (Colonel Quaritch, V.C., 1888)
«Клеопатра» (Cleopatra, 1889)
«Жена Аллана» (Allan’s Wife, and Other Tales, 1889) *А.К.
«Беатрис» (Beatrice, 1890)
«Одиссей» («Мечта мира») (The World’s Desire, 1890) – соавтор Эндрю Лэнг
«Эрик Светлоокий» (Eric Brighteyes, 1891)
«Нада» (Nada the Lily, 1892)
«Дочь Монтесумы» (Montezuma’s Daughter, 1893)
«Люди тумана» (The People of the Mist, 1894)
«Сердце Мира» (Heart of the World, 1895)
«Джоанна Хейст» (Joan Haste, 1895)
«Колдун» (The Wizard, 1896)
«Доктор Терн» (Doctor Therne, 1898)
«Ласточка» (Swallow: A Tale of the Great Trek, 1899)
«Черное Сердце и Белое Сердце, и др. истории» (Black Heart and White Heart, 1900)
«Лейденская красавица» (Lysbeth. A Tale of the Dutch, 1901)
«Жемчужина Востока» (Pearl-Maiden: A Tale of the Fall of Jerusalem, 1903)
«Стелла Фрегелиус. История трех судеб» (Stella Fregelius: A Tale of Three Destinies, 1903)
«Принцесса Баальбека, или Братья» (The Brethren, 1904)
«Аиша: Она возвращается» (Ayesha: The Return of She, 1905) *А
«Путь духа» (The Way of the Spirit, 1906)
«Бенита» (Benita: An African Romance, 1906)
«Прекрасная Маргарет» (Fair Margaret, 1907)
«Короли-призраки» (The Ghost Kings, 1908)
«Желтый бог, африканский идол» (The Yellow God; an Idol of Africa, 1908)
«Хозяйка Блосхолма» (The Lady of Blossholme, 1909)
«Утренняя Звезда» (Morning Star, 1910)
«Перстень царицы Савской» (Queen Sheba’s Ring, 1910)
«Алая Ева» (Red Eve, 1911)
«Махатма и заяц» (The Mahatma and the Hare: A Dream Story, 1911)
«Мари» (Marie, 1912) *А.К.
«Дитя Бури» (Child of Storm, 1913) *А.К.
«Ожерелье Странника» (The Wanderer’s Necklace, 1914)
«Священный цветок» (The Holy Flower, 1915) *А.К.

- «Дитя из слоновой кости» (The Ivory Child, 1916) *А.К.
«Кечвайо Непокорный, или Обреченные» (Finished, 1917) *А.К.
«Вечная любовь» (Love Eternal, 1918)
«Луна Израиля» (Moon of Israel: A Tale of the Exodus, 1918)
«Когда мир содрогнулся» (When the World Shook, 1919)
«Древний Аллан» (The Ancient Allan, 1920) *А.К.
«Суд фараонов» (Smith and the Pharaohs, and Other Tales, 1920)
«Она и Аллан» (She and Allan, 1921) *А, *А.К.
«Дева Солнца» (The Virgin of the Sun, 1922)
«Дочь Мудрости» (Wisdom's Daughter, 1923) *А
«Хоу-Хоу, или Чудовище» (Heu-Heu, or The Monster, 1924) *А.К.
«Владычица Зари» (Queen of the Dawn: A Love Tale of Old Egypt, 1925)
«Сокровище Озера» (The Treasure of the Lake, 1926) *А.К.
«Аллан и ледяные боги» (Allan and the Ice Gods: A Tale of Beginnings, 1927) *А.К.
«Мэри с острова Марион» (Mary of the Marion Isle, 1929)
«Валтасар» (Belshazzar, 1930)

Голова ведьмы

*Гармония печальная – звучи,
С теченьем лет неспешным наполняясь
Рыданиями и смехом нашей жизни.
Смерть-королева на незримом троне
Нам рассылает радости и горе –
Так будет до окончания времен.
Когда же мир оставим бренный сей
И устремимся в вечное Ничто,
Тогда придет конец страданиям нашим,
Печалям, песням, радости и горю –
Всеми конец. Нас ждут покой и свет...*

А.М. Барбер

THE
WITCH'S HEAD
BY
H. RIDER HAGGARD
AUTHOR OF
"DAWN," "MR. NEESON'S WILL," "ALLAN'S WIFE," "KING SOLOMON'S
MINES," "SHE," "JESS," ETC. ETC.

Книга I

Глава 1. Явление Эрнеста

– Подойди сюда, мальчик, дай на тебя взглянуть.

Эрнест сделал шаг вперед, потом другой – и посмотрел в лицо своему дяде.

Эрнест был симпатичным мальчиком лет тринадцати, с большими темными глазами, черными кудрявыми волосами и той особой печатью породы на лице, которая всегда отличает англичанина из хорошего рода.

Дядя, казалось, бросил на него рассеянный взгляд, однако это впечатление было обманчивым, на самом деле он оглядел мальчишку с ног до головы. Помолчав, он снова заговорил:

– Ты мне нравишься, мальчик.

Эрнест молчал.

– Насколько я понимаю, твое второе имя – Бейтон. Я рад, что они называли тебя Бейтоном; это девичья фамилия твоей бабушки, добрая старая фамилия. Эрнест Бейтон Кершо. Кстати, ты когда-нибудь имел дело с другим твоим дядей, сэром Хью Кершо?

Щеки мальчика вспыхнули.

– Нет, никогда; и никогда не хотел этого.

– Почему же?

– Потому что, когда моя мама написала ему перед смертью, – тут голос мальчика дрогнул, – сразу после того, как банк лопнул и все ее деньги пропали, он ей ответил, что поскольку его брат – я имею в виду моего отца – женился на нежелательной особе, он не видит никаких причин заботиться о его вдове и сыне; впрочем, он послал ей пять фунтов. Она отослала их обратно.

– Узнаю твою мать; благородство у нее было в крови. Твой дядя, должно быть, мерзавец – кроме того, он солгал. Твоя мать происходит из куда более благородного рода, чем Кершо. Кардусы – одна из самых старинных семей в восточных графствах. Знай, мальчик, наша семья жила в Фенн-он-Линн много столетий, до тех самых пор, пока твой дед, бедный слабый человек, не был вовлечен в судебное разбирательство и не пустил семью по миру. Все на первый взгляд было по закону... но скоро, очень скоро все вернется. Кстати, у этого сэра Хью всего один сын. Знаешь ли ты, что если с ним что-то случится, то ты будешь следующим наследником? В любом случае ты станешь баронетом.

– Не нужно мне его титула, – хмуро ответил Эрнест, – и вообще ничего от него не нужно.

– Титул, мальчик, – это невещественное наследство, которым человек никому не обязан. Оно ему не достается – оно ему просто принадлежит. Однако скажи мне, когда в точности он прислал те пять фунтов – я имею в виду, за сколько времени до смерти твоей матери?

– Примерно за три месяца.

Мистер Кардус некоторое время молчал, нервно барабанил белыми пальцами по столу, а затем снова заговорил:

– Я надеюсь, моя сестра не умерла в нищете, Эрнест?

– За две недели до ее смерти у нас почти не осталось еды, – спокойно и прямо ответил мальчик.

Мистер Кардус отвернулся к окну, и тусклый свет декабрьского дня отразился от его совершенно лысой головы. Прежде, чем снова заговорить, он отступил в тень – возможно, чтобы скрыть нечто, похожее на слезы, переливающиеся в его добрых черных глазах.

– Почему же она не обратилась ко мне? Я бы мог помочь ей.

– Она говорила, что вы поссорились, когда она вышла замуж за моего отца, и что вы сказали ей никогда больше вам не писать и не обращаться к вам – и что она никогда этого не сделает.

– Тогда почему этого не сделал ты, мальчик? Ты ведь знал, как обстоят дела.

– Потому что однажды мы уже обратились за помощью. Я не хотел снова просить.

– Ну да, – пробормотал Кардус, – ты унаследовал семейный характер. Бедняжка Роза, голодающая, на пороге смерти – и я со своими нелепыми обидами... О мальчик, мальчик, когда станешь мужчиной, никогда не создавай себе идолов, ибо они затмевают здравый смысл. В таком храме больше нет места ничему другому, забыто все – обязанности, голос крови, иногда даже сама честь. Взгляни на меня: у меня есть такой идол – и он заставил меня забыть о моей сестре и твоей матери. Не напиши она перед самой смертью – я не вспомнил бы и о тебе.

Мальчик удивленно уставился на мистера Кардуса.

– Идол?

– Да, – все так же задумчиво сказал дядя, – именно идол. Идолы есть у многих людей, их обычно держат в шкафу, запертыми вместе с семейными скелетами; иногда это вообще одно и то же. У идолов много имен; чаще всего это имя женщины, иногда страсть, а вот добродетель – не часто.

– Как же зовут вашего идола, дядя? – спросил, заинтересовавшись, мальчик.

– Моего? О, это неважно.

В этот момент распахнулась дверь в углу, и в комнату вошла высокая костлявая женщина с пронзительными, похожими на бусины, глазами.

– Сэр, мистер де Талор ждет вас в конторе.

Мистер Кардус тихонько присвистнул.

– О, скажи, что я уже иду. Кстати, Грайс, этот юный джентльмен будет жить с нами, его комната готова?

– Да, сэр. Мисс Дороти позаботилась об этом.

– Хорошо. Где мисс Дороти?

– Она отправилась в Кестервик, сэр.

– О... а мастер Джереми?

– Он где-то здесь, сэр. Недавно я видела его с подстреленным хорьком за спиной.

– Скажи Сэмпсону или слугам найти его и прислать сюда, к мастеру Эрнесту. Это все, спасибо, Грайс. Ну, Эрнест, мне надо идти. Надеюсь, ты будешь здесь счастлив, мой мальчик, когда твое горе уляжется. Джереми будет тебе товарищем – он, конечно, неотесан и довольно груб, это правда, но все же это лучше, чем ничего. Кроме того, есть еще Дороти – тут голос мистера Кардуса явственно смягчился, – но она девочка.

– Кто такие Дороти и Джереми? – перебил его племянник. – Это ваши дети?

Мистер Кардус немного рассердился, и это было заметно. Густые белые брови сошлись в одну линию над темными глазами.

– Дети, вот еще! – довольно резко ответил он – У меня нет детей! Они мои подопечные. Их фамилия Джонс.

С этими словами он вышел из комнаты.

«Что ж, он крепкий орешек, – подумал Эрнест, оставшись в одиночестве. – Не думаю, что мне когда-нибудь доводилось видеть такую блестящую лысину. Интересно, а маслом он ее смазывает? Во всяком случае, он добр ко мне. Возможно, было бы лучше, если бы мама написала ему раньше. Тогда она могла бы остаться жива...»

Поспешно вытерев руками слезы, выступившие на глазах при мысли об умершей матери, Эрнест направился к большому камину и внимательно осмотрел его изнутри, а также внимательно изучил старинную голландскую плитку, которой камин был выложен. Потом мальчик надел свое пальто, чтобы согреться, и продолжил обследовать комнату. Она заслуживала инте-

реса, самой примечательной ее особенностью были старинные дубовые панели на стенах. Они тянулись высоко вверх, до самого потолка, а тот поддерживался мощными стропилами из того же дуба; из дуба были сделаны и ставни на узких окнах, выходящих на море, и двери, и массивный стол, и даже каминная полка. Такое количество благородного дуба, безусловно, придавало комнате солидности и величия, однако веселой ее назвать было трудно – не делали ее жизнерадостнее даже многочисленные доспехи и сверкающее оружие, развешанные по стенам. Одним словом, это была замечательная комната, но на посетителей она производила несколько гнетущее впечатление.

Не успел Эрнест прийти к такому заключению, как обстановка в комнате заметно оживилась, поскольку двери распахнулись, пропуская здорового бультерьера довольно устрашающего вида, который немедленно стал устраиваться перед камином, где, очевидно, привык лежать. Увидев Эрнеста, он остановился и принялся.

– Привет, – сказал Эрнест. – Хорошая собачка!

Бультерьер зарычал и оскалил зубы. Эрнест выставил вперед ногу, чтобы защититься от возможного нападения. Пес оценил этот дар, немедленно вонзив в ногу зубы. Эрнест почувствовал сильную боль, но постарался не показать страха, схватил кочергу и так сильно ударил пса по голове, что кровь заструилась из раны, и чудовище, оставив свою жертву, с воем умчалось прочь.

Эрнест все еще упивался своей победой, когда дверь снова распахнулась, на этот раз от яростного толчка, и на пороге появился мальчик. Примерно одного возраста с Эрнестом, чумазый и широкоплечий, с отросшими волосами и довольно невыразительным лицом, на котором, впрочем, сейчас пылали яростью огромные серые глаза. Увидев Эрнеста, мальчик насупился и шагнул вперед – в точности, как это недавно сделал бультерьер.

– Это ты ударил мою собаку? – спросил он.

– Я ударил собаку, но я... – вежливо и спокойно начал Эрнест.

– Мне не нужны никакие «но». Драться умеешь?

Эрнест поинтересовался, задан ли этот вопрос с целью получения общей информации или для какой-то конкретной цели. На это он услышал только нетерпеливое:

– Драться умеешь?!

Немного поразмыслив, Эрнест ответил, что при известных обстоятельствах он может сражаться, как дикий кот.

– Тогда берегись: я собираюсь проделать с твоей головой то же, что ты сделал с моей собакой!

Эрнест со всей доступной вежливостью возразил на это, что обороняться он будет всеми доступными средствами.

На это Джереми Джонс – а это был именно он – ответил уже действием, стремительно кинувшись на Эрнеста; его волосы развевались, как у свирепого краснокожего индейца. Он со всей силы ударил Эрнеста в левый глаз, и тот растянулся на полу. Немедленно вскочив на ноги, Эрнест вернул удар, и через секунду они оба покатались по полу, от всей души награждая друг друга тумаками и пинками. Было вполне очевидно, за кем, в конечном счете, останется победа, потому что Джереми даже в столь нежном возрасте обладал уже недюжинной силой, которая впоследствии и сделала его столь заметным персонажем этой истории, и неминуемо должен был сокрушить соперника. Однако Эрнест сражался столь отчаянно и с таким полным пренебрежением к последствиям этой драки, что ему все еще удавалось сдерживать напор Джереми. К счастью для него, Судьба решила вмешаться, пока чаши весов еще медлили склониться в одну или другую сторону. Вмешалась же она, приняв облик маленькой женщины – по крайней мере, выглядела она именно так, – которая внезапно появилась перед дерущимися с личиком, исполненным негодования, и грозно выставленным вперед указательным пальцем.

– Противные мальчишки! Что скажет Реджинальд, хотелось бы мне знать? Джереми, ты ужасный мальчик! Мне стыдно, что ты мой брат. Поднимайтесь сейчас же!

– Мой глаз! – прошепелявил Джереми, поскольку губа у него была разбита. – Это Долли!

Глава 2. Реджинальд Кардус, эсквайр, мизантроп

Покинув гостиную, в которой он разговаривал с Эрнестом, мистер Кардус миновал длинный коридор старого дома и вышел во внутренний дворик. На его противоположной стороне, ограниченной глухой стеной, стояло небольшое аккуратное здание красного кирпича, одноэтажное и состоящее всего из двух комнат и небольшого коридора. К нему примыкали невысокие застекленные оранжереи, а за ними, у самой стены находился навес, под которым стоял котел, подававший горячую воду.

Маленькое здание красного кирпича служило конторой мистеру Кардусу, поскольку он был юристом по профессии; длинные оранжереи были домом для сотен орхидей – ибо орхидеи были единственным увлечением мистера Кардуса. В целом и контора, и орхидеи смотрелись странно и немного неуместно в этом мрачном старинном дворе. Они стояли напротив такого же старинного и мрачного на вид одноэтажного дома, покрытого шрамами, нанесенными ему за века строптивой погодой. Вероятно, именно такие мысли пришли в голову и мистеру Кардусу, когда он пересекал двор.

– Странный контраст, – бормотал он себе под нос, – очень странный. Примерно такой же, как между Реджинальдом Кардусом, эсквайром, мизантропом из Дум Несс – и мистером Реджинальдом Кардусом, адвокатом, председателем попечительского совета Стоксли, бейлифом Кестервика и все прочее. И в обоих случаях – все это части одного и того же создания... Сочетание старого и нового стилей!

Мистер Кардус не пошел сразу в контору. Сперва он свернул направо и вошел в длинную застекленную оранжерею, по которой, переходя из секции в секцию, добрался до помещения, в котором готовились к цветению наиболее выносливые сорта орхидей. Стеклопанельная дверь вела отсюда прямо в контору. Здесь его и без того тихие шаги сделались совсем бесшумными, словно у кота, и мистер Кардус остановился у стеклянной двери, внимательно наблюдая за крупным кряжистым человеком, стоявшим в глубине кабинета и задумчиво смотревшим на двор.

– Ага, друг мой, – тихо и непонятно произнес мистер Кардус, – сапоги начинают жать... Что ж, самое время.

Затем он так же бесшумно открыл стеклянную дверь, все тем же кошачьим мягким шагом прошел в кабинет, быстро уселся за стол и взял перо. По всей видимости, крупный мужчина был настолько поглощен своими мыслями, что не слышал мистера Кардуса и продолжал бессмысленно глазеть в пространство.

– Итак, мистер де Талор, – мягко произнес адвокат, – я к вашим услугам.

Крупный человек сильно вздрогнул и резко обернулся.

– Проклятье, Кардус! Как вы сюда попали?

– Разумеется, вошел через дверь... вы же не предполагаете, что я спустился по печной трубе?

– Это очень странно, Кардус, но я не слышал, как вы вошли. Вы меня напугали.

Мистер Кардус издал короткий сухой смешок.

– Вы были слишком заняты своими мыслями, мистер де Талор, и боюсь – не самыми приятными. Чем могу помочь?

– Откуда вы знаете, что они неприятные, Кардус? Я никогда не говорил об этом.

– Если бы мы, юристы, ждали, что наши клиенты расскажут нам все свои мысли, мистер де Талор, нам бы пришлось очень долго докапываться до истины. Мы должны уметь читать по лицам наших клиентов, а иногда и по их спинам. Вы даже не представляете, как выразительна может быть иная спина, если, конечно, вы наблюдательны. Вот ваша, например, сегодня выглядит крайне неуверенно... надеюсь, ничего серьезного?

– Нет, Кардус, нет! – отвечал мистер де Талор, нетерпеливо отмахиваясь от темы выразительных спин, – ничего особенного, просто деловой вопрос, по которому я пришел спросить вашего совета, поскольку вы человек проницательный.

– Все мои лучшие советы – к вашим услугам, мистер де Талор. Так в чем заключается вопрос?

– Дело, Кардус, вот в чем, – де Талор уселся в удобное кресло, повернув к адвокату свое широкое и довольно вульгарное лицо. – Речь идет о производстве смазки для железнодорожных вагонов.

– О том самом, которым вы владеете в Манчестере?

– Точно так.

– Что ж, мне кажется, это вполне удовлетворительная тема для беседы. Ведь производство окупается, не так ли?

– Нет, Кардус. В том-то и дело: раньше оно приносило прибыль, а теперь нет.

– Как это?

– Понимаете, когда мой отец получил патент и начал это дело, он был единственным на рынке, так что заработал на этом изрядно; могу сказать вам, что и я не жаловался на прибыли, но теперь – что вы думаете?! В прошлом году появилась какая-то паршивая фирма, «Растрик и Кодли». Они взяли новый патент и установили низкие цены, гораздо ниже тех, что мы можем себе позволить!

– Что же дальше?

– Дальше мы снизили цену, разумеется, но теперь дело идет нам в убыток. Мы надеялись разорить их – но они держатся. Их кто-то поддерживает, за ними кто-то стоит, говорю вам – потому что эти Растрик и Кодли не стоят и шестипенсовика! Кто – одному богу ведомо, я не думаю, что они и сами об этом знают.

– Все это очень прискорбно, но что же вы хотите от меня?

– Только одного, Кардус. Мне нужен ваш совет насчет продажи производства. У нас неплохой кредит, и мы можем продать дело за хорошенькую сумму – не такую хорошую, как хотелось бы, но все же довольно большую... Но я не знаю, стоит ли продавать – или пока попридержаться?

Мистер Кардус задумался.

– Это трудный вопрос, мистер де Талор, но что до меня – я всегда был противником резких движений. Та фирма все же может разориться, и тогда вы пожалеете о сделанном. Если бы вы сейчас продали свою – то сделали бы конкурентам подарок, а это, я полагаю, в ваши планы не входит.

– Разумеется, нет!

– Кроме того, вы очень обеспеченный человек, вы не так уж зависите от этого смазочного производства. Даже если дела будут плохи, у вас остается земля в собственности, здесь, в Чезвик Несс. Если бы я был на вашем месте, я бы придержал продажу, даже если бы это грозило мне потерями в дальнейшем – и доверился бы фортуне.

Мистер де Талор выпустил вздох облегчения.

– Я и сам так думаю, Кардус. Вы мудрый человек, и я рад, что мы думаем одинаково. К черту «Растрик и Кодли», вот что!

– О да, разумеется – к черту! – улыбнулся адвокат, поднимаясь из-за стола, чтобы проводить клиента до дверей.

На другом конце коридора была еще одна дверь, наполовину застекленная. Она вела в комнату, по виду напоминавшую обычную канцелярию. Возле этой двери де Талор остановился и с интересом уставился на сидевшего за письменным столом человека. Человек этот был стар, высокого роста и крепкого телосложения, а одет был с необычайной аккуратностью – но в полный охотничий костюм: сапоги, бриджи, шпоры и все остальное. Крупную голову вен-

чала шапка густых, взлохмаченных седых волос, придававшая человеку несколько дикий вид, которому способствовал еще и странно искривленный рот. Левая его рука неподвижной плетью висела вдоль тела.

Мистер Кардус проследил за взглядом своего гостя и рассмеялся.

– Странный клерк, не правда ли? Безумен, глуп и наполовину парализован – не каждый адвокат может похвастаться таким служащим.

Мистер де Талор с явным беспокойством посмотрел на объект их наблюдения.

– Если он безумен – то как же он справляется с работой клерка?

– О, он вполне безобидный сумасшедший, а кроме того – у него прекрасный почерк. Он отлично переписывает документы.

Де Талор не отводил от безумца недоверчивого взгляда.

– Полагаю, он потерял память?

– Да, – отвечал мистер Кардус с улыбкой. – Возможно, это и к лучшему. Он не помнит ничего, кроме своих заблуждений.

Мистер де Талор с явным облегчением заметил:

– Он ведь провел с вами много лет, не так ли, Кардус?

– Да, очень много.

– Зачем вы вообще его сюда взяли?

– Разве я никогда не рассказывал вам его историю? Если хотите, мы можем вернуться в мой кабинет, и я расскажу вам ее, это недолго. Помните те времена, когда наш друг, – тут Кардус кивнул на старика за дверью, – еще держал свору охотничьих собак, и в округе его называли «отчаянным наездником Аттерли»?

– Да, помню. Из-за них он и разорился, старый дурак.

– И, разумеется, вы должны помнить Мэри Аттерли, его дочь. Мы с ней были влюблены друг в друга в юности.

Широкие скулы мистера де Талора залил густой румянец, и он кивнул.

– В таком случае, – продолжал мистер Кардус невозмутимо, хотя в голосе его слышались нотки тщательно сдерживаемых эмоций, – вы помните и то, что я был счастливейшим из людей, поскольку получил благословение ее отца на помолвку и брак с Мэри Аттерли, как только я смогу продемонстрировать ему, что мой доход достиг определенного уровня.

Здесь мистер Кардус сделал паузу, но затем продолжил:

– Однако мне пришлось отправиться в Америку по делам крупного банка в Норвиче. Дела затянулись, да и путешествия в те времена были долгими. Когда я вернулся домой, Мэри была... замужем за человеком по фамилии Джонс. За вашим другом, мистер де Талор. Он жил в вашем доме, в Чезвик Несс, когда они впервые встретились. Впрочем, возможно, вам даже лучше известно об этой части моего рассказа.

Де Талор выглядел очень смущенным.

– Нет, я почти ничего об этом не знаю. Джонс влюбился в нее, как и все прочие, а потом я узнал, что они собираются пожениться, только и всего. Было жестокостью так поступить с вами, Кардус, но... но, Господи, вы же не могли быть настолько глупы, чтобы доверять ей?

Горькая улыбка озарила лицо Кардуса.

– Да, пожалуй, это было жестоко – но это вовсе не относится к моей истории. Брак вышел недолгим и неудачным: странный рок обрушился на всех, кто имел к нему отношение. У Мэри осталось двое детей, когда она сделала лучшее, что могла сделать – умерла от стыда и тоски. Джонс, до этого очень богатый человек, был обманом доведен до банкротства и покончил с собой. «Отчаянный наездник Аттерли» еще некоторое время процветал, но затем разорился на своих собаках и лошадях, а также на спекуляциях, связанных с кораблестроением. Его хватил удар, парализовавший половину тела и лишивший его речи и большей части рассудка. Я перевез его сюда, чтобы спасти от сумасшедшего дома.

– Это было очень благородно с вашей стороны, Кардус. Вы были добры к нему.

– О нет, он вполне заслужил все это – однако он отец бедняжки Мэри. Он, впрочем, пребывает в уверенности, что я – дьявол, но это неважно.

– Вы ведь забрали к себе и ее детей?

– Да, я их взял под опеку. Девочка напоминает свою мать, хотя у нее никогда не будет такого взгляда... Мальчишка похож на старого Аттерли. Мне нет до него дела. И слава Господу – они оба совсем не похожи на своего отца.

– Так вы знали Джонса? – быстро спросил де Талор.

– Да, мы встречались после того, как он женился. Как ни странно, я был с ним и за несколько минут до его гибели. Теперь, мистер де Талор, я не смею вас более задерживать. Я думал, что вы, возможно, могли бы рассказать мне какие-то детали супружеской жизни Мэри. Эта история трогает меня, а ее результаты для моей собственной жизни оказались на удивление... далеко идущими. Я уверен, что еще не знаю всего до конца. Мэри писала мне незадолго до смерти и намекала на что-то, чего я никак не мог понять. Кто-то стоял за всем этим, кто-то помогал Джонсу. Ну, ничего, я найду ответ рано или поздно, и тогда, кто бы это ни был, он заплатит за свою подлость. Провидение порой идет странными путями, мистер де Талор – однако в конце обидчика всегда ожидает ужасная месть. Что такое? Вы встревожены? Бросьте, это обычная болтовня в конторе адвоката, не так ли?

Бледный, как полотно, мистер де Талор поднялся, коротко кивнул мистеру Кардусу и торопливо вышел из кабинета.

Адвокат наблюдал за ним, пока дверь не закрылась, и тут выражение его лица разительно переменилось. Белые брови сошлись на переносице, тонкие черты лица ожесточились, а в мягком доселе взгляде черных глаз полыхнула ненависть. Он сжал кулаки и потряс ими в сторону закрывшейся двери.

– Ты, лжец! Пёс! – громко произнес Кардус. – Дай-то Бог мне прожить подольше, чтобы расправиться с тобой так же, как я расправился с ними! Один покончил с собой, другой – безумный паралитик, но ты – ты будешь нищим, даже если мне потребуется двадцать лет, чтобы разорить тебя! О да – это ударит по тебе больнее всего. О Мэри! Мэри! Мертвая и обещенная – из-за тебя, подлец! Дорогая моя, смогу ли я когда-нибудь снова обрести тебя...

И с этими словами странный человек опустил голову на стол и глухо застонал.

Он сжал кулаки и потряс ими в сторону закрывшейся двери

Глава 3. Старый Дум Несс

Когда через полчаса или около того мистер Кардус вернулся в дом, чтобы занять свое место за обеденным столом – поскольку в те времена в Дум Несс было принято обедать в середине дня, – он был в не слишком хорошем настроении. Воды того бассейна, куда собираются события нашей жизни и который мы называем своим прошлым, не часто волнуются, пусть они и горьки на вкус. Конечно, мистер Кардус вполне овладел собой – хотя этим утром сам изрядно взбаламутил эти горькие воды.

В длинной, обшитой дубовыми панелями комнате, обычно используемой в качестве гостиной и столовой, мистер Кардус нашел «отчаянного наездника Аттерли» и его внучку, маленькую Дороти Джонс. Старик уже сидел за столом, а Дороти резала хлеб и выглядела при этом вполне взрослой девицей, словно ей было все двадцать четыре, а не четырнадцать лет. Она была странным ребенком – с ее спокойной взрослой уверенностью, чисто женскими замашками и манерой одеваться, с ее любопытным и одухотворенным личиком и огромными голубыми глазами, ярко сиявшими на нем. Впрочем, сейчас это милое личико выглядело более встревоженным, чем обычно.

– Реджинальд! – воскликнула она при виде Кардуса (он сам настоял, чтобы она звала его по имени). – Мне жаль говорить это вам, но у нас произошло прискорбное происшествие.

– Что такое? – нахмурился мистер Кардус. – Снова Джереми?

Мистер Кардус мог быть очень строгим, когда дело касалось Джереми.

– Боюсь, что так. Эти два несносных мальчишки...

Впрочем, Дороти не было нужды продолжать объяснение, поскольку в этот момент распахнулась дверь, и на пороге появились молодые джентльмены, о которых шла речь и которых, словно овец, подталкивала востроглазая Грайс.

Эрнест шел впереди, тщетно пытаясь сохранить непринужденный вид – поскольку ему приходилось придерживать сырой бифштекс под глазом, расцвеченным всеми цветами радуги.

Позади него плелся Джереми, по-прежнему лохматый и чумазый. Его раны были либо неподвластны чарам сырого бифштекса, либо же он выбрал добровольный путь страданий и лекарство, составленное на основе жира и муки.

На мгновение в комнате воцарилась тишина, а затем мистер Кардус с убийственной вежливостью поинтересовался у Джереми, что означает его вид.

– Мы подрались, – сердито отвечал мальчик. – Он ударил...

– Благодарю, Джереми. Мне не нужны подробности, однако я воспользуюсь возможностью, чтобы высказать в присутствии вашей сестры и моего племянника, что я думаю о вас. Вы – невоспитанный хам, а к тому же еще и трус.

При этих несправедливых словах мальчишка покраснел до корней волос.

– Да, теперь можете заливаться краской, но позвольте сказать, что это именно трусость – затеивать ссору с мальчиком, только что переступившим порог моего дома...

– Я должен сказать, дядя, – вмешался Эрнест, вовсе не считавший проявлением трусости драку, к тому же, в которой принял участие сам, и в глубине души полагавший, что противнику досталось куда больше. – Это я первый начал.

Это было не вполне правдивое заявление – если не считать началом драки схватку с бультерьером, – однако оно все равно не произвело на мистера Кардуса большого впечатления, поскольку он, видимо, был и в самом деле очень сердит на Джереми за другие проступки. Однако это была та ложь, на которую ангелу, ведущему подсчет наших грехов и добродетелей, не стоит обижаться.

– Мне нет дела до того, кто из вас начал первым! – заявил мистер Кардус сердито. – И я сержусь отнюдь не только из-за драки. Ты дискредитируешь меня, Джереми, и свою сестру. Ты

грязнуля, ты лентяй, ты ведешь себя не как джентльмен. Я отправил тебя в школу – ты сбежал из нее. Я даю тебе хорошую одежду – ты ее не носишь. Говорю тебе, мальчик, я не собираюсь больше терпеть это. Я хочу поговорить с мистером Хэлфордом, священником из Кестервика, чтобы он занялся образованием Эрнеста. Ты отправишься вместе с ним, и если я не увижу твоих успехов в ближайшие месяцы – я умываю руки. Ты меня понял?

Во время этой суровой отповеди мальчик стоял посреди комнаты, переминаясь с ноги на ногу. По завершении речи мистера Кардуса он встал ровно.

– Ну, – продолжал мистер Кардус, – что ты должен сказать?

– Я хочу сказать, – выпалил Джереми, – что мне вовсе не нужно ваше образование. Вы вовсе не заботитесь обо мне!

Его серые глаза пылали возмущением, а на лице полыхал румянец обиды.

– Никому нет до меня дела, кроме моей собаки, Нейлза! Вы же из меня самого сделали собаку – швыряете мне подачки, как я швыряю Нейлзу кости! Не нужно мне ваше образование, я не буду учиться! И красивая одежда ваша мне не нужна, я не буду ее носить. Я больше не хочу быть для вас обузой. Отпустите меня, я стану рыбаком и буду сам зарабатывать себе на хлеб! Если бы не она, – тут он кивнул на сестру, в ужасе застывшую возле стола, – и не Нейлз, я б давно ушел, вот что я скажу! Но как бы там ни было – я больше не буду вашей собакой. Я буду зарабатывать себе на жизнь – и мне никого не придется благодарить за это! Дайте мне уйти туда, где надо мной не будут издеваться, если я буду честно трудиться! Я достаточно силен для этого, отпустите меня! Вот я и сказал то, что должен был!

С этими последними словами парень разрыдался и бросился вон из комнаты.

С его уходом улетучился, как показалось, и гнев мистера Кардуса.

– Не думал, что в нем столько силы духа, – пробурчал он. – Что ж, хорошо, давайте обедать.

За обедом разговор не клеился, предшествовавшая ему сцена оставила тяжелое впечатление – и Эрнест, будучи наблюдательным мальчиком, погрузился в созерцание того, как Дороти хлопочет за столом, исполняя обязанности хозяйки: режет мясо для своего безумного дедушки, приглядывает, у всех ли все есть на тарелках и в бокалах – одним словом, проявляет искреннюю заботу и внимание ко всем присутствующим. Наконец, обед подошел к концу, и мистер Кардус вместе со старым Аттерли отправились обратно в контору, оставив Дороти наедине с Эрнестом. Она и начала беседу.

– Надеюсь, твой глаз не болит. Джереми очень больно бьет.

– О нет, все в порядке. Я привык к дракам. Когда я учился в школе в Лондоне, мне часто приходилось драться. Мне жаль его – я имею в виду твоего брата.

– Джереми? О да, он вечно попадает в неприятности, а теперь, я думаю, все кончится совсем плохо. Я делаю все, что в моих силах, чтобы добиться порядка, но у меня не получается. Если он не пойдет к мистеру Хэлфорду, я даже и не знаю, что будет.

Маленькая леди тяжело вздохнула.

– О, клянусь тебе – он пойдет! Пойдем, найдем его – и постараемся уговорить, – воскликнул Эрнест.

– Мы можем попробовать, – с сомнением протянула Дороти. – Подожди минутку, я только надену шляпку, а потом, если ты уберешь эту гадость с лица, мы можем прогуляться в Кестервик. Я собиралась отнести книжку – одну из тех, по которым я учу французский, – обратно старой мисс Чезвик, она там живет.

– Хорошо, – отвечал Эрнест.

Вскоре Дороти вернулась, и они направились на задний двор, в каретный сарай, где у Джереми была маленькая комнатка: здесь он набивал чучела птиц и хранил свою коллекцию яиц и бабочек. Однако Джереми здесь не было. Расспросив Сэмпсона, старого шот-

ландца-садовника, присматривавшего за орхидеями мистера Кардуса, Дороти выяснила, что Джереми отправился стрелять бекасов, взяв ружье Сэмпсона.

– Это в духе Джереми, – вздохнула девочка. – Он всегда уходит стрелять, вместо того, чтобы решать проблемы.

– Он умеет бить птиц влет? – заинтересовался Эрнест.

– О, еще как! – с гордостью отвечала Дороти. – Не думаю, что он хоть раз промахивался. Мне бы хотелось, чтобы он умел так же хорошо делать и все остальное.

В глазах Эрнеста акции Джереми выросли сразу на пятьдесят процентов.

По пути обратно в дом они заглянули в окно конторы, и Эрнест увидел «отчаянного наездника Аттерли» за работой – старик прилежно переписывал бумаги.

– Он ведь твой дед, да?

– Да.

– Он... тебя узнает?

– В каком-то смысле – да, но вообще он совершенно безумен. Он считает, что Реджинальд – это дьявол, которому он обязан служить в течение определенного количества лет. У него есть специальная трость, он делает на ней насечки, каждый месяц по одной. Все это очень печально. Весь этот мир – очень печальное место, – вздохнула Дороти.

– Почему он в охотничьем костюме? – спросил Эрнест.

– Потому что он всегда любил охоту. Он и сейчас любит лошадей. Иногда можно увидеть, как он выбирается из-за письменного стола и со слезами на глазах смотрит в окно, если кто-то приезжает верхом. Однажды он даже выбежал из конторы и пытался забраться на лошадь и ускакать – но его остановили.

– Почему бы не позволить ему выезжать верхом?

– О, он убьет себя. Старый Джек Тейрес, который живет в Кестервике и зарабатывает себе на жизнь ловлей крыс и хорьков, когда-то служил у дедушки псарем – когда у него еще были собаки. Так вот, он говорит, что дедушка всегда был немного сумасшедшим – по части верховой езды. Однажды в полнолуние они с дедушкой отправились охотиться на оленя, который забрел сюда из какого-то парка. Они подняли его в маленькой роще возле Клаффтона, в пяти милях отсюда, и дед гнал его мимо Стартона и Эшли, а затем загнал к самому морю, в полутора миль отсюда, на границу зыбучих песков. Луна светила так ярко, что было светло, как днем. На последней миле олень уже выбился из сил, от него до собак оставалось не больше сотни ярдов – и расстояние все сокращалось. Когда они оказались на берегу, олень кинулся прямо в море, а за ним собаки и дед. Еще через сотню ярдов они настигли оленя и убили, а потом дедушка просто развернул коня и поплыл к берегу, и собаки за ним.

– Ничего себе! – восхищенно прокомментировал историю Эрнест. – А что же Джек Тейрес, что он делал?

– О, он оставался на берегу и молился. Он думал – они все утонут.

За разговорами Эрнест и Дороти добрались до старого дома, построенного на небольшом мысе, выступающем за пределы береговой линии; дома, овеваемого всеми ветрами, стоящего над беспокойными волнами, ведущими бесконечную битву с известняковыми скалами. Это было уединенное и мрачное место. Дом словно выглядывал из-под массивных серых скал, почти совсем лишенных растительности, если не считать пучков жесткой травы и колючих листьев морского падуба. Перед ним расстился океан, неспешно обрушивавший волну за волной на песчаные дюны; лишь несколько парусов на горизонте нарушали его величественное одиночество. Слева, насколько мог видеть человеческий глаз, тянулись скалы, кое-где прерываемые расщелинами и гротами – словно выщербленная челюсть старухи. За этим скальным хребтом на многие мили тянулись пустоши, поросшие разноцветным вереском и ограниченные дамбами, куда вода попадала при помощи ветряных мельниц, что придавало пейзажу несколько голландский оттенок.

– Смотри! – сказала Дороти, показывая на маленький белый домик, стоящий примерно в полутора милях от берега. – Там находятся большие шлюзовые ворота, а прямо за ними начинаются зыбучие пески, поглотившие однажды целую армию – как Красное море египетских воинов.

– Надо же! – воскликнул не на шутку заинтересованный Эрнест. – И этот дом построил мой дядя?

– Глупый мальчик! Его построили сотни лет назад. Кто-то по фамилии Дум – потому это место и называется Дум Несс; по крайней мере, я так думаю... У Реджинальда есть старинная карта, времен Генриха VII, и Дум Несс на ней уже отмечен, значит – Думы жили там задолго до этого. Посмотри, – продолжала она, когда они обошли старый дом справа и оказались на тропе, ведущей на самый верх скалы – там, наверху, виднеются развалины аббатства Тайтберг.

Дороти указала на руины большой церкви и великолепно сохранившуюся башню, стоявшие в нескольких сотнях футов от них, почти на самом краю утеса.

– Почему ее не отстроят заново? – спросил Эрнест.

Дороти покачала головой.

– Потому что через несколько лет море поглотит его. Уже почти все кладбище скрылось под водой. То же самое будет и с Кестервиком, куда мы направляемся. Кестервик когда-то был большим городом. Короли Восточной Англии сделали его своей столицей, там жил епископ. Кроме того, это был довольно крупный порт. В городе жили тысячи людей. Но море надвигалось и надвигалось. Оно затопило гавань и разрушило скалы – и люди, конечно, не могли его сдержать. Теперь Кестервик – всего лишь маленькая деревушка на берегу моря, впрочем – с красивой старинной церковью. Но настоящий Кестервик лежит там, под водой. Если пройти по берегу после хорошего шторма, можно найти сотни обломков кирпича и плитки, из которых были построены его дома, ушедшие под воду. Только вообрази! В один прекрасный воскресный день, во времена королевы Елизаветы, целых три приходские церкви в одночасье рухнули с утеса в море!

Дороти продолжала рассказывать затаившему дыхание Эрнесту историю старинного города, который пал, подобно Вавилону – пока они не подошли к небольшому и довольно современному домику, скрывающемуся в зарослях деревьев; вернее, скрывающемуся летом – потому что сейчас на ветвях не осталось ни одного листа. С этим домиком Эрнесту предстояло очень близко познакомиться через несколько лет...

Дороти оставила его у ворот, а сама отправилась отдавать книгу, заметив, что ей стыдно вести в дом мальчика с таким роскошным синяком под глазом. Вернулась она довольно быстро и сказала, что мисс Чезвик нет дома.

– А кто такая мисс Чезвик? – с любопытством спросил Эрнест, жадно впитывавший любые новые сведения.

– О, это чудесная старушка, – отвечала Дороти. – Ее семья много лет жила в местечке Чезвик-Несс, но потом брат мисс Чезвик проиграл все состояние в карты, и поместье было продано за долги. Его купил мистер де Талор, этот ужасный толстяк, который приезжал сегодня утром, ты, должно быть, видел его.

– Она живет здесь одна?

– Да, но у нее есть прелестные племянницы – дочери ее покойного брата, мать которых тяжело больна; если она умрет, то одна из девочек переедет сюда. Она моя ровесница, и я очень жду ее приезда.

На некоторое время воцарилась тишина, а потом маленькая женщина тихо произнесла:

– Эрнест, мне кажется – ты добрый мальчик, поэтому я хочу попросить тебя кое о чем. Я хочу, чтобы ты помог мне с Джереми.

Эрнест, раздвигаясь от гордости от такого комплимента, выразил горячую готовность сделать все, что в его силах.

– Видишь ли, Эрнест, – продолжала Дороти, не сводя с мальчика больших голубых глаз, – Джереми все время создает проблемы. Он хочет идти своим путем. Ему не нравится Реджинальд, а Реджинальду не нравится он. Если Реджинальд входит в одну дверь, Джереми немедленно выходит в другую. Кроме того, он вечно дерзит Реджинальду. Это очень нехорошо, потому что, как бы там ни было, Реджинальд очень добр к нам, хотя у него и нет на это причин, кроме того, что он, как мне кажется, очень любил нашу маму. Если бы не Реджинальд, которого я очень люблю, хоть он иногда и бывает странным, то просто не знаю, что бы случилось с нами и с дедушкой. Поэтому я считаю, что Джереми должен лучше к нему относиться и лучше себя вести – вот и хочу тебя попросить обуздать его грубость и постараться подружиться с ним... и научить вести себя как следует. Это ведь не так уж и много – взамен на доброту твоего дяди к нам. Понимаешь, я-то могу хоть как-то отплатить Реджинальду, приглядывая за домом, но Джереми ничего для этого не делает. Прежде всего, я хочу, чтобы ты убедил его не противиться поездкам к мистеру Хэлфорду.

– Хорошо, я попробую, но я хотел спросить – где училась ты? Ты так много знаешь!

– О, я учусь сама, по вечерам. Реджинальд хотел нанять мне гувернантку, но я отказалась. Как я смогу заставить Грайс и слуг слушаться меня, если сама буду вынуждена повиноваться какой-то странной женщине? Так у меня ничего не выйдет.

Они как раз добрались до руин аббатства Тайтбург. Уже почти стемнело, как всегда и бывает зимой – и Дороти внезапно вскрикнула, потому что из-за полуразрушенной стены поднялась высокая широкоплечая фигура с ружьем в руках. Позади нее маячило что-то белое – и через мгновение Дороти поняла, что это Джереми, возвращающийся с охоты и, видимо, поджидавший их.

– О Джереми, как ты меня напугал! В чем дело?

– Я хочу поговорить с *ним*, – последовал лаконичный ответ.

Эрнест спокойно стоял на месте, ожидая, что будет дальше.

– Послушай! Ты сегодня утром наврал – чтобы попытаться выручить меня. Ты сказал, что драку начал ты – а начал ее я. Я должен был сказать ему сам, – с этими словами Джереми вытянул палец в сторону Дум Несс, – только у меня во рту скопилось столько слов, что я никак не мог с ними разобраться. Но сейчас я хочу сказать тебе спасибо, и знаешь – забирай мою собаку, вот! Он – упрямый злобный дьявол, но он тебя полюбит, если ты будешь к нему добр!

С этими словами Джереми схватил изумленного Нейлза за шиворот и сунул пса в руки Эрнесту.

Несколько мгновений в душе Эрнеста шла отчаянная борьба, ибо ему очень хотелось стать хозяином бультерьера – однако джентльменские чувства одержали верх.

– Не надо мне твоего пса – и я ничего такого не сделал.

– Нет, сделал! – горячо возразил Джереми, испытывая огромное облегчение от того, что Эрнест отказался от Нейлза, которого Джереми очень любил. – По крайней мере, ты сделал куда больше, чем кто-либо за всю мою жизнь. И знаешь что – однажды я верну тебе этот долг. Сделаю для тебя все, что в моих силах.

– Правда? – прищурился Эрнест, бывший весьма сообразительным юношей и вспомнивший просьбу Дороти.

– Правда, клянусь!

– Что ж, тогда пообещай, что будешь ходить со мной к этому Хэлфорду. Я не хочу заниматься в одиночестве.

Джереми задумчиво потер лицо невероятно грязной рукой. Это было гораздо больше того, на что он рассчитывал – но слово есть слово.

– Хорошо! – ответил он. – Я пойду с тобой.

Затем он свистнул Нейлзу, повернулся и исчез в темноте.

Так было положено начало дружбе, которую эти двое пронесли через всю свою жизнь.

Глава 4. Мальчики

Джереми сдержал данное слово. В назначенный день он оказался готов, по его собственному выражению, «заняться с этим парнем, Хэлфордом». Более того, в этот день он явился в гостиную аккуратно подстриженным, в приличном костюме и – о, чудо из чудес! – с практически чистыми руками.

За все эти муки Джереми был вознагражден открытием, что «занятия» были вовсе не таким уж и страшным делом, как он ожидал. Кроме того, они носили довольно нерегулярный характер, и потому у мальчиков оставалось вдоволь времени на все истинно мужские развлечения. Зимой они блуждали по пустошам и болотам в поисках бекасов и диких уток, при стрельбе по которым Эрнест неизменно промахивался, а Джереми бил с невероятной точностью. Летом они плавали, ловили рыбу и искали яйца в птичьих гнездах. Таким образом, они ухитрялись сочетать необременительное обучение – с истинным опытом приобретения настоящего глубоких знаний о жизни животных и птиц, а также с укреплением духа и тела.

То были счастливые года для них обоих, но Джереми, сравнивая их с теми, что он прожил до приезда Эрнеста, находил нынешнее свое положение практически райским. То ли манеры его действительно улучшились, то ли Эрнест умело служил буфером между Джереми и мистером Кардусом – но теперь они с опекуном ссорились гораздо реже. Джереми сам видел, что старый джентльмен (впрочем, так мистера Кардуса можно было назвать, лишь повинувшись местным традициям, на самом деле он был, скорее, среднего возраста) стал более терпим к нему; впрочем, понимал он и то, что ему никогда не стать любимчиком Кардуса.

Что до Эрнеста, то юношу все любили, в особенности женщины, которые всегда были готовы выполнить любую его просьбу. Удивительно, что Эрнеста это обстоятельство совершенно не испортило – но это было именно так. Невозможно было не обратить внимания на Эрнеста Кершо – настолько он был обаятелен, воспитан и начисто лишен даже тени чванства. Всегда готовый помочь, не забывающий добро, он был щедр до такой степени, что, казалось, имел весьма смутное представление о том, что принадлежит ему, всем делясь с друзьями. Обладая всеми этими качествами, а также быстрым умом и врожденным благородством, он, что совершенно неудивительно, всегда был популярен и в мужском, и в женском обществе.

Эрнест вырос красивым юношей; войдя в возраст, он приобрел прекрасное телосложение, глаза у него всегда были красивые и выразительные, а весь облик дышал мужеством и одухотворенностью. Его доброта и острый ум делали его еще более привлекательным.

Что касается Джереми, то он не сильно изменился, став взрослым – разве что сильно увеличился в размерах. Из года в год его плечи становились все шире, а сила возросла до немислимых пределов. Впрочем, того же нельзя было сказать о его интеллекте – разум его мужал не с такой быстротой, и Джереми по-прежнему с трудом воспринимал новые идеи, однако приняв их, больше уже не отступал с выбранного пути.

У него, этого простодушного гиганта, была в жизни одна истинная страсть – его друг Эрнест. Эта привязанность росла вместе с Джереми, пока не стала его неотъемлемой частью, превратившись едва ли не в преклонение. Они почти не расставались, за исключением того времени, когда Эрнест решил уехать за границу, чтобы изучать иностранные языки, к которым он испытывал тяготение. Джереми очень не нравилась идея разлуки с Эрнестом, но еще больше его отвращала мысль о жизни за границей, поскольку он был очень замкнутым юношей. Только из этих соображений, скрепя сердце, он и согласился на разлуку.

Так они и прожили эти годы до своего восемнадцатилетия, и тут мистер Кардус, повинувшись внезапному порыву, объявил о намерении послать их обоих в Кембридж. Эрнест навсегда запомнил этот день, поскольку именно тогда он впервые познакомился с Флоренс Чезвик.

Он как раз вышел от дяди и искал Долли, чтобы передать ей дядины распоряжения, когда неожиданно столкнулся со старой мисс Чезвик, которую сопровождала юная леди. Мисс Чезвик представила ее как свою племянницу – и молодая девушка сразу привлекла внимание Эрнеста. При знакомстве она – ровесница Эрнеста – коснулась его крепкой ладони своими тонкими пальчиками, в тот же момент бросив на него такой острый взгляд карих глаз, что впоследствии он признавался Джереми, будто этот взгляд пронзил его насквозь.

Флоренс была замечательной девушкой. Вьющиеся волосы каштанового цвета вились локонами вокруг ее красивой головки, глаза были карие; кожа имела оливковый оттенок, черты лица были несколько мелковаты – но полные алые губы в улыбке приоткрывали ряд безупречных жемчужных зубок. Росту она была небольшого, однако прекрасно сложена, и, несмотря на юный возраст, фигурка ее вполне сформировалась. Пока Эрнест наблюдал за ней, в комнату вошел его дядя и был должным образом представлен пожилой дамой ее племяннице – по ее словам, Флоренс приехала, чтобы скрасить ее одиночество.

– Как вы нашли Кестервик, мисс Флоренс? – светски поинтересовался мистер Кардус.

– Что ж, это больше, чем я ожидала – хотя немного скучноват, – сдержанно отвечала девушка.

– О, возможно, вы привыкли к более оживленным местам?

– Да, пока моя мать была жива, мы жили в Брайтоне, там довольно оживленно. Нельзя сказать, что мы очень уж участвовали в светской жизни – мы для этого были слишком бедны – но, во всяком случае, мы могли за ней наблюдать.

– Вы любите жизнь, мисс Флоренс.

– Да, ведь она так коротка. Я хотела бы, – продолжила она, чуть откинув голову назад и прикрыв глаза, – увидеть в этой жизни как можно больше – и испытать все чувства.

– Возможно, мисс Флоренс, некоторые из них вы найдете довольно неприятными, – с улыбкой заметил мистер Кардус.

– Вполне может быть – но лучше путешествовать по неприятной стране, чем безвылазно просидеть всю жизнь в райском уголке.

Мистер Кардус снова улыбнулся: девушка его явно заинтересовала.

– Знаете, мисс Чезвик, – меняя тему разговора, обратился он к пожилой даме, которая сидела, расправляя свои кружева и выглядя довольно ошеломленной словами своей племянницы, – этот молодой джентльмен в скором времени отправляется в колледж, как и Джереми?

– Вот как? – откликнулась мисс Чезвик. – Что ж, Эрнест, я надеюсь, ты достигнешь больших успехов.

Пока Эрнест с присущей ему скромностью пытался опровергнуть это смелое предположение, мисс Флоренс снова вмешалась в разговор, оторвавшись от созерцания длинных ног молодого джентльмена, которые он, от смущения под ее острым взглядом, заплел вокруг ножек стула.

– Я не знала, что в колледж принимают *мальчиков*.

Вскоре они ушли, и чуть позднее Эрнест в разговоре с Дороти охарактеризовал Флоренс словом «бестия». Впрочем, по-своему она была привлекательна, и в течение следующих нескольких лет они стали довольно близки.

Итак, Эрнест и Джереми отправились в Кембридж – однако нельзя сказать, чтобы они блистали во время обучения, и наставники не торопились возносить им похвалы. Впрочем, Джереми удалось отличиться во время традиционных университетских гонок, и на некоторое время он покрыл себя славой, которую, впрочем, не слишком ценил, будучи чрезвычайно скромным молодым человеком. Эрнест не отличился даже в спорте. Однако правдами и неправдами, помаленьку они все же добрались до конца обучения и даже получили какие-то ученые степени, а затем без сожаления расстались с берегами Кэма, на которых провели

столько веселых дней: Джереми сразу вернулся в Кестервик, а Эрнест отправился с визитами к многочисленным товарищам по учебе.

Так закончился первый круг их жизни.

Глава 5. Обещание Евы

Когда Джереми вернулся в Дум Несс из Кембриджа, мистер Кардус принял его со своей обычной полупрезрительной холодностью, которая так часто приводила юношу в замешательство. Нельзя сказать, что мистер Кардус действительно не любил Джереми – неприязнь прошла много лет назад, в тот день, когда мальчик собрался «идти зарабатывать себе на хлеб»; однако он никак не мог простить молодому человеку то, что он был сыном своего отца – и потому не мог справиться с инстинктивной неприязнью. Впрочем, мистер Кардус старался держать себя в руках и не позволять этой неприязни мешать их общению, во всяком случае – сделать для этого все возможное. Он потратил на обучение обоих юношей одинаковые суммы, до последнего фунта – однако Эрнесту он отдавал эти деньги с любовью, а Джереми – из чувства долга.

Джереми все это прекрасно понимал и более всего на свете хотел сам зарабатывать себе на жизнь, чтобы стать независимым от мистера Кардуса. Но одно дело – хотеть зарабатывать, и совсем другое – зарабатывать на самом деле, это хорошо известно беднякам. Когда Джереми задумался, как ему справиться с поставленной задачей, идей оказалось катастрофически мало. Впрочем, многого он не хотел; Джереми не был амбициозен. Он был бы совершенно счастлив, если бы смог заработать на крышу над головой, еду, одежду, порох и пули – дальше этого его амбиции и не заходили. Впрочем, нужно было учесть и два неперемennых условия, от которых он не желал отказываться: вокруг должна была быть дикая природа – и рядом должен был находиться Эрнест. Без Эрнеста, по мнению Джереми, жизнь вообще ничего не стоила.

В течение недели с лишним после его возвращения домой эти противоречивые мысли буквально кипели у него в голове, и в конце концов Джереми, решив, что с него хватит, решил посоветоваться с сестрой, у которой – он это прекрасно понимал – в три раза больше мозгов, чем у него, и вообще надо было сразу обратиться за советом к ней!

Долли устремила на него пытливый взгляд своих голубых глаз и молча выслушала все от начала до конца.

– Теперь ты видишь, Долл, – он с детства ее так называл, – в каком я затруднительном положении. Я понятия не имею, чем мне заняться – либо я сам поведу свой корабль, либо сдамса и позволю другим управлять им. Кроме того, мне нужен Эрнест, я не могу без него обойтись. Если бы не он, я бы просто эмигрировал. Отправился бы валить лес в Ванкувере или клеймить бычков где-нибудь в Америке, – добавил он задумчиво.

– Ну ты и дурень, Джереми! – неожиданно сказала его сестра.

Он вскинул голову – нисколько не оспаривая ее заявление, а просто желая получить дополнительные разъяснения.

– Я говорю – дурень ты, братец. Простофиля. Как ты думаешь, чем я занималась все эти три года, пока вы в своем колледже катались на лодках и весело проводили время? Я думала!

– Я тоже, но ничего хорошего из этого не вышло. Думать – бесполезно.

– Да, если только этим и ограничиться. Но я не только думала, я еще и действовала. Я разговаривала с Реджинальдом и предложила ему свой план, а он его одобрил.

– Ты всегда была очень умная, Долл, тебе достались все мозги, а мне – только рост и мускулы, – печально согласился Джереми.

– Ты даже не спросишь, что именно я придумала? – голос Дороти прозвучал резковато, потому что бесхитростный Джереми коснулся большого вопроса: ее роста.

– Так я и жду, когда ты расскажешь.

– Ты должен пойти на службу к Реджинальду.

– О боги! – простонал Джереми, закатывая глаза. – Куколка, мне это совсем не нравится!

– Замолчи и выслушай меня до конца. Ты пойдешь на службу к Реджинальду, и он будет платить тебе сто фунтов в год, так что жить ты можешь в другом месте, если не нравится оставаться здесь.

– Но мне не нравится эта служба, Долл! Я ее ненавижу, это дьявольское дело.

– Хотелось бы мне знать, какое право вы имеете так говорить, мистер Всезнайка! Позвольте вам напомнить, что многие люди – куда лучше и умнее вас! – вполне довольны тем, что зарабатывают на жизнь в адвокатской конторе. Я так полагаю, что честный человек будет и честным юристом, как и во всякой другой профессии!

Джереми с сомнением покачал головой.

– Все юристы – кровососы! – сердито сказал он.

– Значит, будешь сосать кровь! – решительно сказала его сестра. – Послушай, Джереми, не будь свиньей и не расстраивай мой план! Если ты провалишься в глазах Реджинальда, он больше палец о палец ради тебя не ударит. Ты ему не нравишься, ты прекрасно это знаешь – и он с удовольствием устроит тебе разгон, если у него будет для этого повод. И где ты в таком случае окажешься, хотела бы я знать?

Джереми затруднился ответить, где он окажется, поэтому Дороти продолжала:

– Считаю это временной работой, в любом случае. Кроме того, подумай вот еще о чем: Эрнест собирается стать адвокатом, и если ты откажешься сейчас, а с Реджинальдом что-нибудь случится, некому будет помочь Эрнесту в конторе, а я знаю, что это для адвоката главное.

Последний довод Джереми признал самым весомым аргументом.

– Я буду самым странным клерком на свете, – печально вздохнул он. – Почти таким же, как дедушка. Как он поживает, кстати?

– О, как обычно – пишет, пишет и пишет целый день. Он думает, что так быстрее окончится срок его службы. Завел себе новую трость и отметил на ней все месяцы и годы, какие ему осталось служить – маленькие обозначают месяцы, а длинные – годы. Осталось восемь или десять больших зарубок. Каждый месяц он зачеркивает одну короткую. Ужасно это все... Ты же знаешь, он считает Реджинальда дьяволом и ненавидит его. Как-то раз у него не было работы в конторе, и я застала его за рисованием – он рисовал Реджинальда с рогами и хвостом, такие ужасные рисунки... и мне кажется, он таким и видит Реджинальда. Еще он все время рвется отправиться верхом, особенно ночью. Только на прошлой неделе его нашли в конюшне – он уже седлал серую кобылу, ту самую, на которой иногда ездит Реджинальд, ты знаешь. Когда, ты говоришь, Эрнест возвращается? – добавила девушка после недолгой паузы.

– Я же сказал, Долл, – в следующий понедельник.

Дороти помрачнела.

– О, мне показалось, ты сказал – в субботу...

– Зачем тебе это?

– Только чтобы успеть приготовить его комнату.

– Да она готова, я вчера туда заглядывал.

– Чушь! Что ты в этом понимаешь! – Долли вспыхнула. – Уходи, мне надо пересчитать простыни, а ты мне мешаешь.

Джереми спрыгнул со стола, на котором сидел, свистнул Нейлзу, который был теперь старым и умудренным опытом псом, и отправился на прогулку. Некоторое время он шел, засунув руки в карманы и уставившись себе под ноги, размышляя о своей незавидной судьбе и представляя себя в образе клерка, постоянно находящегося под назойливым и недружелюбным взглядом мистера Кардуса. Внезапно он заметил двух дам, стоящих всего в нескольких ярдах от него на самом краю обрыва. Джереми уже собирался развернуться и поскорее удрать, поскольку не выносил дамского общества и считал в глубине души – Впрочем, ни с кем этим

мнением не делясь, – что женщина есть корень всех зол на свете. Однако его заметили, и он счел подобное стремительное отступление невежливым.

В одной из этих молодых дам – а они были очень молоды – он узнал мисс Флоренс Чезвик, которая ничуть не изменилась за прошедшие годы. У нее были все те же кудрявые каштановые волосы, те же острые карие глаза и полные губы, те же мелкие черты и решительное выражение лица. Ее фигура всегда казалась Джереми несколько... квадратной, но теперь немного вытянулась. В облегающем платье Флоренс выглядела почти красивой, и даже ее угловатость, которую большинство женщин сочли бы прискорбным дефектом внешности, придавала ей решительности и силы, которые и делали Флоренс Чезвик куда привлекательнее доброй сотни хорошеньких девушек.

– Как поживаете? – резко, в своей обычной манере поинтересовалась Флоренс. – Судя по вашему виду, вы спите на ходу.

Прежде чем Джереми смог найти достойный ответ на это замечание, другая молодая леди, все это время задумчиво смотревшая вдаль с обрыва, обернулась – и Джереми окаменел. Опыт у него был невелик – и все же он никогда раньше не видел таких красавиц.

Она была едва ли не на две головы выше своей сестры – такая высокая, что лишь природная грация спасала ее от того, чтобы показаться нескладной. Волосы у нее тоже были темными, но гораздо темнее, чем у сестры. Черные локоны развевались на ветру, и черными были ее прекрасные глаза, осененные длинными ресницами. Ее кожа была легкого оливкового оттенка, губы напоминали кораллы, зубки были мелкие и ровные. Кажется, все преимущества, которыми Природа могла бы наделить женщин, достались этой девушке в избытке, она буквально лучилась здоровьем и красотой. Ко всем ее прелестям стоило добавить и нежный взгляд, присущий только воистину добрым женщинам, и нежный голос, и острый ум, и полное отсутствие тщеславия или самолюбования – такова была Ева Чезвик в расцвете ее юных чар.

– Позвольте представить вам мою сестру Еву, мистер Джонс.

Однако на данный момент мистер Джонс был практически парализован и даже не смог снять шляпу.

– Послушайте! – нетерпеливо сказала Флоренс. – Она не Медуза, вам нет нужды превращаться в камень.

Это замечание привело Джереми в чувство – мисс Флоренс обладала незавидным даром опускать людей с небес на землю. Он снял шляпу, как всегда, довольно мятую и грязную, и пробормотал что-то неразборчивое. Что касается Евы, то она мило покраснела и с готовностью заметила, что мистер Джонс, без сомнения, смущен ужасным состоянием ее, Евы, платья (честно говоря, Джереми вообще понятия не имел, надето ли на Еве платье – и уж тем более не думал о его состоянии).

– Понимаете, я лежала на траве и смотрела вниз, в расщелины скалы.

– Что? Но зачем?

– Там... кости.

Место, где они сейчас стояли, когда-то было частью кладбища Тайтбургского аббатства, и по мере того, как море наступало, множество костей давно усопших жителей Кестервика вымывалось из их тихих могил и оставалось на пляже и прибрежных скалах.

– Смотрите! – сказала она, опускаясь на колени, и Джереми немедленно последовал ее примеру.

Примерно в шести футах ниже, на той глубине, на которой обычно хоронят покойников, были хорошо видны остатки гнилого дерева и свинцовые пластины, а еще, что было ужаснее всего, на восемь с лишним дюймов выступали из земли кости человеческой ноги, сломанные и истлевшие. На уступе скалы, примерно в двадцати пяти футах от вершины и в шестидесяти футах от дна расщелины, скопилась целая коллекция человеческих костей.

– Разве это не ужасно? – спросила Ева, зачарованно глядя в расщелину. – Просто потрясающе! Посмотрите – маленький череп ребенка возле большого черепа. Возможно, это была его мать. А что это там, в песке?

Большая часть того предмета, на который она указывала, была хорошо видна на светлом фоне. Она напоминала зарывшееся в песок пушечное ядро, однако Джереми пришел к другому выводу.

– Это часть свинцового гроба, – сказал он.

– О, мне хотелось бы спуститься туда и посмотреть все своими глазами! Вы можете это сделать?

Джереми покачал головой.

– Я проделывал это, когда был мальчиком – тогда я был намного легче. Сейчас не стоит и пытаться – зыбучие пески меня не выпустят, и я уйду на самое дно.

Ради этого прекрасного создания он был готов на все – однако прежде всего он был разумен и практичен и не видел особой доблести в том, чтобы за просто так свернуть себе шею.

– Да, – разочарованно сказала девушка, – вы довольно тяжелы.

– Пятнадцать стоунов, – печально откликнулся Джереми.

– Но во мне нет и десяти! Я могла бы спуститься, я полагаю.

– Без веревки лучше и не пытаться.

Их разговор прервал звонкий голосок Флоренс:

– Когда вы двое закончите рассматривать эти отвратительные останки, возможно, Ева, мы отправимся на ланч? Если бы вы только знали, как глупо вы выглядите, растянувшись там, словно два турка, которых собираются сечь палками. Может быть, подниметесь?

Для Евы этого оказалось достаточно, она быстро встала, и Джереми вновь последовал ее примеру.

– Почему ты не дала нам спокойно изучить эти кости, Флоренс? – с притворной обидой сказала Ева.

– Потому что у тебя действительно глупый вид. Видите ли, мистер Джонс, все древнее и замшелое, все, имеющее отношение к покойникам, умершим столетия назад, почему-то очаровывает мою сестру. Она была бы рада прийти домой и начать рассказывать об этих костях – кому они принадлежали, кто были эти люди, чем занимались и все такое. Она называет это воображением, а я – выдумками.

Ева вспыхнула, но ничего не сказала; видимо, она не привыкла отвечать на колкости старшей сестры. Они простились с Джереми, и девушки отправились домой.

– Что за урод этот Джереми! – заметила Флоренс.

– Мне он уродом вовсе не показался, – тихо ответила ее сестра. – Я думаю, он очень мил. Флоренс пожала своими угловатыми плечами.

– Разумеется – если тебе нравятся гиганты с мозгом совы. Ты должна познакомиться с Эрнестом – вот кто действительно очень мил!

– Эрнест тебе нравится, судя по всему.

– Да, – просто ответила Флоренс. – И я надеюсь, что, когда он приедет, ты не полезешь в мой сад.

Ева улыбнулась.

– Тебе не нужно бояться. Обещаю оставить твоего Эрнеста в покое.

– Что ж, это сделка! – голос Флоренс прозвучал резко. – И не забудь сдержать свое слово!

Глава 6. Джереми влюблен

У Джереми в этот день впервые за много лет не было аппетита за обедом, и этот феномен не мог не встревожить Дороти.

– Мой дорогой Джереми! – сказала она после обеда. – Что с тобой? Ты съел всего лишь кусочек говядины и не притронулся к пудингу!

– Ничего, – сухо ответил ее брат, и разговор на этом был исчерпан.

Через некоторое время Джереми заговорил сам.

– Долл, ты знакома с мисс Евой Чезвик?

– Ну, я видела ее два раза.

– Что ты о ней думаешь?

– А ты что о ней думаешь? – отвечала эта подозрительная юная особа.

– Я думаю, что она прекрасна, как... как ангел!

– Весьма поэтично! И что же дальше? Вы встречались?

– Ну конечно – иначе откуда бы я знал, что она прекрасна?

– Ага, теперь понятно, почему только один кусок говядины!

Джереми залился краской.

– Я собиралась к ним сегодня – хочешь пойти со мной? – продолжала его сестра.

– Да, я пойду.

– Все лучше и лучше. Это будет первое мое приглашение, на которое ты откликнулся.

– Ты не думаешь, что она будет возражать, Долл?

– Почему она должна возражать? Большинство людей не против, чтобы их навещали, даже если у них симпатичное личико.

– Симпатичное личико? Да она красавица с ног до головы!

– Хорошо, хорошо, пусть красавица. Я отправляюсь в три, не опаздываяй.

После этого разговора Джереми отправился наводить красоту, а его сестра смотрела ему вслед с тем серьезным и озабоченным видом, который был присущ ей с самого детства.

– Он влюбился в нее! – сказала она себе. – И это неудивительно: любой бы на его месте влюбился, она же «красавица с головы до ног», по словам Джереми, а на что еще смотрят мужчины? Мне бы хотелось, чтобы *она тоже* успела влюбиться в него, *прежде чем Эрнест вернется домой*.

Дороти вздохнула.

Без четверти три Джереми вернулся преображенным. Выглядел он особенно огромным – в черном сюртуке и своих воскресных брюках. Когда они добрались до коттеджа, в котором жила старая мисс Чезвик со своими племянницами, им суждено было испытать некоторое разочарование, поскольку ни одной из молодых леди не было дома. Впрочем, старушка была дома и приняла их очень сердечно.

– Полагаю, вы пришли навестить мою недавно приехавшую племянницу, – сказала она. – На самом деле я в этом просто уверена, мистер Джереми, поскольку вы никогда в жизни не навещали меня раньше. Ах, это просто восхитительно, как молодые люди меняют свои привычки ради пары ясных глаз!

Джереми мучительно покраснел, однако Дороти пришла ему на помощь.

– Мисс Ева приехала, чтобы остаться с вами жить, мисс Чезвик?

– Да, думаю – так и будет. Понимаете, моя дорогая – только это между нами – ее тетушка в Лондоне, у которой Ева жила... она – мать дочерей на выданье. Еву, конечно, прятали, пока это было возможно, но теперь ей исполнилось двадцать, и это становится уже неприличным. С другой стороны, все прекрасно понимали, что если Ева начнет выезжать со своими кузинами, ни у одной из них не будет шанса устроить свою жизнь, потому что на них никто и не взглянет,

пока она в комнате. Так что, как видите, Ева отправлена сюда в ссылку – в наказание за свою привлекательность.

– Многие из нас согласились бы и на более тяжелое наказание, если б только могли быть обвинены в том же грехе, – немного грустно заметила Дороти.

– О, дорогая моя! – живо откликнулась старушка. – Я уверена, что вы именно так и думаете. Каждая молодая женщина жаждет быть красивой и вызывать восхищение мужчин, но разве это приносит истинное счастье? Сомневаюсь. Чаще всего неумеренное восхищение вызывает к жизни бесконечные неприятности и, возможно, в конце концов, даже разрушает счастье самой женщины и тех, кто с ней связан. Когда-то я тоже была красивой женщиной, моя дорогая – я уже достаточно стара, чтобы говорить об этом без обиняков – и скажу вам, что Провидение не может злее подшутить над женщиной, нежели дать ей красоту и не дать при этом острого ума и сильного характера. Бездольная, глупая красота – худшее, что может случиться с женщиной. Ее достоинства обязательно навлекут на нее зависть других женщин и станут неиссякаемым источником проблем – ибо привлекут к ней любовников, с которыми она просто не будет знать, что делать. Иногда конец такой женщины очень печален. Я видела, как подобное случалось, и не один раз, моя дорогая.

Впоследствии, через много лет и совсем при других обстоятельствах, Дороти Джонс часто вспоминала эти слова мисс Чезвик, признавая, что старушка была во всем права – но сегодня они ее не убедили.

– Я отдала бы все на свете, чтобы быть похожей на вашу племянницу! – упрямо сказала девушка. – И любая другая девушка – тоже. Спросите хоть Флоренс!

– О, дорогая моя, это вы сейчас так думаете. Подождите еще лет двадцать – а потом, если вы обе будете еще живы, сравните, кто из вас счастливее. Что касается Флоренс, она, конечно же, хотела бы быть похожей на Еву; разумеется, ей неприятно повсюду появляться вместе с девушкой, рядом с которой она выглядит маленькой неуклюжей замарашкой. Полагаю, она была бы счастлива, если бы Ева осталась в Лондоне – как сейчас ее кузины рады, что она уехала. Ах, Дороти, милая! Я так надеюсь, что они не поссорятся! Флоренс ужасна, когда сердится.

С этим Дороти не могла не согласиться. Она очень хорошо знала характер Флоренс. Тем временем старая леди обратилась к Джереми:

– Однако, мистер Джереми, эти разговоры, должно быть, кажутся вам глупыми. Расскажите мне, участвовали ли вы еще в каких-нибудь гонках?

– Нет, – отвечал Джереми, – я растянул мышцы руки во время университетской регаты, и рука все еще болит.

– А где мой дорогой Эрнест?

Как и большинство женщин, какого бы возраста они не были, мисс Чезвик обожала Эрнеста.

– Он возвращается домой в понедельник.

– Он как раз вовремя – Смиты собирают всех на теннис. Я слышала, потом хотят устроить танцы. Вы танцуете, мистер Джереми?

Джереми пришлось признать, что он этого не делает; на самом деле никакая сила на земле не смогла бы затащить его в бальный зал.

– Жаль, в здешних краях так мало молодых людей. Флоренс на днях их пересчитывала, и результаты неутешительны: на одного холостого мужчину в возрасте от двадцати до сорока пяти лет приходится девять незамужних женщин в возрасте от восемнадцати до тридцати!

– Значит, только одна из этих девяти и имеет шанс выйти замуж, – заметила Дороти.

– А что будут делать остальные восемь? – заинтересовался Джереми.

– Полагаю – станут старыми девами, как я! – отозвалась мисс Чезвик.

Дороти быстро произвела расчеты в уме – получалось, что примерно через пятнадцать лет при нынешнем положении вещей в радиусе трех миль от Кестервика будут проживать, по

крайней мере, двадцать пять старых дев. Потрясенная этой мыслью, Дороти встала и начала прощаться.

– Я знаю, кто точно не останется без мужа, если только мужчины не глупее, чем я о них думаю! – сказала добрая старушка, награждая Дороти поцелуем.

– Если вы имеете в виду меня, – сказала Дороти, слегка покраснев, – то я не настолько тщеславна, чтобы думать, будто кто-то заинтересуется маленьким существом, единственная добродетель которого – аккуратное ведение домашнего хозяйства. Не думаю также, что и сама хочу о ком-то заботиться.

– О, дорогая, в мире еще остались здравомыслящие мужчины, которые предпочитают *добрую и хозяйственную* женщину – хорошеньким личикам. До свидания, моя дорогая.

Хотя Джереми и был разочарован визитом к мисс Чезвик, поскольку не застал дома Еву, на следующее утро ему посчастливилось встретить обеих сестер на берегу моря. Однако, оказавшись в ее присутствии, он внезапно осознал, что ему очень мало есть, что сказать, и потому прогулка, говоря по чести, могла бы выйти очень скучной, если бы ее не оживляли острые и саркастические замечания Флоренс.

Впрочем, на следующий день он упрямо повторил попытку, заявившись к Еве с целой охапкой каких-то цветов (выбранных прямо с корнями), которыми она накануне выразила желание обладать. Так продолжалось до тех пор, пока его застенчивость не пошла на убыль; в конце концов они стали хорошими друзьями.

Разумеется, все это не могло укрыться от острого взгляда Флоренс, и в один прекрасный день, после того как Джереми отвесил ее сестре неуклюжий комплимент и ушел, она суммировала свои наблюдения следующим образом:

– Этот теленок влюбился в тебя, Ева!

– Чепуха, Флоренс! И почему это ты называешь его тelenком? Нехорошо так говорить о людях.

– Отлично, если ты найдешь другое подходящее определение, я с радостью приму его.

– Я думаю, что он хороший, честный мальчик с задатками джентльмена, и, даже если он в меня влюбился, я не думаю, что в этом есть что-то постыдное!

– Дорогая, мы обсуждаем какую-то чушь. Знаешь, я скоро начну думать, что и ты влюбилась в этого «мальчика с задатками джентльмена» – о да, это намного лучше «теленка», хотя и не так выразительно.

Ева сдалась и бежала с поля боя.

– Ну, Джереми, как твои дела с красавицей-Евой? – в тот же день поинтересовалась у брата Дороти.

– Знаешь что, Долл, – отвечал Джереми с видом человека, находящегося на последней ступени отчаяния, – не смейся над своим братом! Если б ты только знала, что я чувствую вот здесь, внутри... если бы ты знала... ты не знаешь...

– Что? Тебе плохо? Может быть, немного бренди? – воскликнула Дороти в неподдельной тревоге.

– Не будь дурочкой, Долл! Это не имеет отношения к моему желудку, это вот здесь! – и он постучал себя по правой стороне груди, искренне веря, что сердце находится именно там.

– И что же ты чувствуешь, Джереми?

– Чувствую! – со стоном отвечал ее брат. – Чего я только не чувствую! Когда я не нахожусь рядом с ней, мне кажется, что я тону... знаешь, как бывает, когда уходишь гулять без обеда? Вот так я себя все время и чувствую. А когда она смотрит на меня, меня бросает то в жар, то в холод. Когда улыбается – как будто кто-то пристрелил пару вальдшнепов справа и слева от меня...

– Хорошо-хорошо, Джереми, – перебила его Дороти, начиная думать, что ее брат повредился рассудком. – А что будет, если она не улыбнется?

– Тогда, – грустно покачал головой Джереми, – как будто кто-то стрелял, да промахнулся. И хотя его сравнения звучали несколько своеобразно, Дороти было совершенно ясно, что ее брат испытывает вполне искренние чувства.

– Ты действительно любишь эту девушку, дорогой? – мягко спросила она.

– Знаешь, Долл, мне кажется, что... да.

– Так почему же ты не предложишь ей выйти за тебя замуж?

– Выйти за меня? Да я недостоин даже чистить ее туфли!

– Честный джентльмен подходит любой женщине, Джереми.

– Кроме того, у меня ничего нет, и я не могу содержать ее, даже если бы она сказала да, хотя она не скажет!

– Сейчас нет, со временем будет. Помни, Джереми, она очень привлекательная женщина и очень скоро найдет себе других воздыхателей.

Джереми застонал.

– Но если бы ты сейчас заручился ее согласием, и если она порядочная женщина, а я думаю – она порядочная, то это уже не имело бы никакого значения, и вы могли бы сыграть свадьбу через несколько лет.

– Так что же мне делать?

– Я бы спросила, любит ли она тебя, и если да – то согласна ли ждать несколько лет.

Джереми задумчиво присвистнул.

– Я поговорю об этом с Эрнестом, когда он приедет.

– На твоём месте этот вопрос я бы решила самостоятельно! – быстро отозвалась сестра.

– Торопиться тоже не следует. И двух недель не прошло, как мы познакомились. Я поговорю с Эрнестом.

– Тогда ты можешь очень пожалеть об этом! – с какой-то странной страстью в голосе воскликнула Дороти, порывисто встала и вышла из комнаты.

– Вот те раз, и что это она имела в виду? – удивился Джереми, оставшись один. – Вечно она преувеличивает, когда дело касается Эрнеста.

Впрочем, смятение по-прежнему не покидало его душу; влюбленный Джереми со вздохом надел шляпу и отправился гулять.

В воскресенье – на следующий день после беседы с Дороти – он снова встретил Еву, на этот раз в церкви. Там она, по мнению Джереми, была особенно похожа на ангела – но подойти к ней он не смог. Уже на выходе из церкви ему удалось переброситься с ней парой слов, но не больше, поскольку проповедь в тот день оказалась длинной, и проголодавшаяся Флоренс спешила домой.

А потом настал долгожданный понедельник – день возвращения Эрнеста.

Глава 7. Эрнест неосторожен

Кестервик – слишком маленькая деревня, и ближайшая железнодорожная станция находилась в четырех милях от него, в Раффеме; Эрнест должен был приехать двенадцатичасовым поездом, и Дороти с братом отправились встречать его.

Когда они добрались до станции, поезд уже показался вдалеке, и Дороти успела подняться на платформу. Паровоз пыхтел и никуда не торопился – как это свойственно всем поездам на однокорейках восточных графств – однако в положенное время прибыл на станцию и выпустил из своих недр Эрнеста с его багажом.

– Привет, Куколка! Значит, пришла меня встретить? Как ты, старушка? – весело закричал Эрнест, заключая Дороти в объятия.

– О Эрнест, перестань! Я уже слишком большая, чтобы целовать меня на людях, словно маленькую девочку.

– Большая? Хм... Мисс Пять Футов С Небольшим! Кроме того, никаких людей здесь больше не наблюдается.

Других пассажиров не было, и одинокий носильщик уже унес вещи Эрнеста к коляске.

– Нечего смеяться над моим ростом! Не всем же быть размером с майский шест, как ты, или здоровенным, как Джереми.

Джереми уже спешил к ним – он увидел Эрнеста через застекленные двери конторы; вскоре все трое ехали домой, оживленно переговариваясь и стараясь перекричать друг друга.

В дверях Дум Несс их встречал мистер Кардус, делавший вид, будто просто смотрит на океан, но на самом деле с нетерпением ожидавший Эрнеста, к которому он успел очень привязаться за все эти годы... хотя тщательно скрывал свои чувства.

– Здравствуй, дядя, как поживаешь? Выглядишь прекрасно! – закричал юноша, едва коляска остановилась.

– Все хорошо, Эрнест, благодарю. Ну а тебя и спрашивать не нужно. Я рад тебя видеть. Ты вовремя, потому что в моей оранжерее как раз распустились *Batemanian Wallisii* и *Grammatophyllum speciosum*. И последний просто великолепен.

– Правда? Прекрасно! – интерес Эрнеста был совершенно искренним, поскольку он разделял любовь своего дядюшки к орхидеям. – Пойдем скорее, покажешь мне их!

– Полагаю, сначала лучше отправиться за стол. Орхидеи могут подождать, обед – нет.

Удивительно было наблюдать, как этот юноша словно озарил своим внутренним светом довольно мрачное семейство. Все улыбались друг другу и смеялись каждой его шутке. Даже суровая Грейс рассмеялась, когда он изобразил обморок «при виде ее красоты», даже на безумном лице старика Аттерли промелькнуло подобие улыбки узнавания, когда Эрнест схватил его руку и горячо тряс ее, во всеуслышание объявив, что старик прекрасно выглядит. Он был добрым и сердечным юношей, при виде которого исцелялись сердца, пораженные унынием.

После обеда он отправился вместе с дядей в оранжерею и провел там добрых полчаса в обществе старого Сэмпсона, с гордостью демонстрировавшего цветущие орхидеи. Садовник не менее всех остальных любил «мастера Эрнеста». Он частенько говаривал, что «немногие ребята могут отличить *Одонтоглоссум* от *Собралии*», а Эрнест мог, более того, он мог сказать, хорошо ли себя чувствует тот или иной саженец. Сэмпсон всегда втайне оценивал людей по их отношению к орхидеям – и мастер Эрнест удостоился его высочайшей оценки. На самом деле этот угрюмый шотландец просто не любил признаваться в своих чувствах. Юный Эрнест давно покорила его сердце своим открытым, сердечным, добродушным нравом и искренней любовью к людям.

Они все еще любовались пышным цветением *Грамматофиллума*, когда мистер Кардус заметил, что к нему в кабинет направляется мистер де Талор – как мы помним, двери в оран-

жерее были стеклянные и выходили прямо в кабинет адвоката. Эрнест был очень удивлен и заинтересован изменениями, которые произошли в облике его дядюшки при виде де Талора. Только что перед ним был добродушный пожилой джентльмен с блестящей лысиной, воркующий над своим садоводческим шедевром – и вот он уже подобен мирному коту, при виде самой безобидной собаки превратившемуся в ошетиненный комок ярости.

Мрачная страсть, владеющая душой мистера Кардуса, немедленно вернулась, изменив его почти до неузнаваемости: черты лица ожесточились, верхняя губа задрожала, темные глаза полыхнули адским пламенем – и в тот же миг лицо окаменело, словно превратившись в непроницаемую маску. Это было странное изменение.

Они могли видеть де Талора из оранжереи, однако он их не видел, и потому с минуту они просто наблюдали за ним.

Гость мистера Кардуса обошел кабинет, бросил презрительный взгляд в сторону оранжереи, затем остановился у стола мистера Кардуса и бросил взгляд на лежавшие там бумаги. Похоже, его ничего не заинтересовало, поскольку он почти сразу отошел к окну, сунул большие пальцы в прорези своего жилета и задумчиво уставился на двор. В его облике было что-то, настолько невыносимо вульгарное и дерзкое, что Эрнест не удержался от смеха.

Мистер Кардус опомнился, сердясь отчасти на себя, а отчасти на Эрнеста, и торопливо сказал:

– Ах, мой друг, я задержал тебя. Иди же – мне нужно в контору.

С этими словами он поспешно вышел из оранжереи, и Эрнест расслышал, как он приветствует своего гостя в своей обычной сдержанной манере, которая была так хорошо знакома юноше, и как де Талор отвечает ему: «Как поживаете, Кардус? Как идут дела?»

Выйдя из оранжереи, Эрнест обнаружил, что Джереми ждет его. За много лет все обитатели дома привыкли, что Джереми не должен входить в оранжереи. Не то чтобы ему это было прямо запрещено – это был всего лишь еще один знак неприязни мистера Кардуса, больно ранивший самолюбие Джереми.

– Что собираешься делать, старик? – спросил он Эрнеста.

– Ну, я собирался навестить Флоренс Чезвик, но ты, я полагаю, не хочешь составить мне компанию...

– Нет, я пойду!

– Ушам своим не верю! Кто бы мог подумать! Долл! Ты слышишь? – Девушка как раз вышла из дверей дома. – Что это случилось с нашим Джереми? Он собирается идти с визитом!

– Полагаю, у него есть свой интерес, – заметила мисс Дороти.

– Я надеюсь, старик, ты не отбил у меня Флоренс?

– Полагаю, ты немного потерял бы, будь это так! – ехидно заметила Дороти, нетерпеливо постукивая ножкой.

– Тише, тише, Куколка! Я очень люблю Флоренс, она умная и симпатичная.

– Если быть умной означает вечно говорить колкости и иметь дьявольский характер, то она, бесспорно умна, а что касается внешности, то это вопрос вкуса – и не мне обсуждать женскую привлекательность.

– О, как мы смиренны! Прах на главе твоей и вретиче на плечах – но как сверкают эти голубые глазки!

– Замолчи, Эрнест, или я рассержусь!

– О, не надо, прошу – оставь эту привилегию людям с дьявольским характером. Ну же, не сердись, Долли – давай поцелуемся и будем друзьями.

– Я не стану целовать тебя, мы не будем друзьями, и вообще – идите, куда хотите! – с этими словами она повернулась и убежала прежде, чем кто-то из них смог остановить ее.

Эрнест тихонько засвистел, размышляя о том, почему Дороти так реагирует на безобидное поддразнивание. Затем они с Джереми отправились наносить визит.

Их поход не увенчался успехом. Ева, которую Эрнест никогда не видел и о которой не слышал ничего, кроме того, что она «прехорошенькая» – а Джереми, хоть и мечтал посоветоваться с ним, все никак не мог решиться на откровенный разговор, – лежала в постели с головной болью, а Флоренс ушла гулять с подругой. Зато старая мисс Чезвик была дома и приняла их обоих очень тепло, особенно своего любимчика Эрнеста, которого и наградила ласковым поцелуем.

– Повезло мне, что у меня две племянницы – иначе не видать бы мне у себя дома двух таких молодых джентльменов!

– Я полагаю, – галантно отвечал Эрнест, – что беседовать с пожилыми дамами намного приятнее, чем с молодыми.

– Правда, мастер Эрнест? Тогда почему же ты выглядел таким разочарованным, когда узнал, что моих племянниц сейчас нет?

– Исключительно потому, – находчиво отвечал этот молодой джентльмен, – что потерял возможность подтвердить мои убеждения в этом вопросе.

– Я спрошу тебя об этом еще раз, когда они обе будут здесь – чтобы они имели возможность принять участие в этой дискуссии! – улыбнулась старая леди.

Вскоре они простились с мисс Чезвик, после чего пути их разделились. Джереми отправился домой, а Эрнест – к своему старому учителю, мистеру Хэлфорду, у которого остался на чай. Было уже больше семи часов – чудесный июльский вечер – когда Эрнест возвращался в Дум Несс. К дому можно было добраться либо поверху, либо прямо по берегу моря. Эрнест выбрал второй путь и вскоре оказался под сенью хмурых развалин Тайтбергского аббатства, по-прежнему бросающего вызов своему извечному врагу – морю. Совершенно неожиданно он понял, что молодая леди в широкополой шляпе и с тростью, идущая ему навстречу, – это Флоренс Чезвик.

– Как поживаете, Эрнест? – довольно холодно поинтересовалась она, однако слабый румянец, окрасивший ее оливковую кожу, выдавал волнение. – О чем размышлялись? Я тебя вижу уже добрых двести ярдов, но ты меня не замечаешь.

– Разумеется, я мечтал о тебе, Флоренс.

– Правда? – сухо откликнулась девушка. – А я-то подумала, что Ева справилась со своей головной болью – надо сказать, ей удивительно к лицу головные боли, кстати – и что ты ее видел, и что теперь мечтаешь о ней.

– А почему я должен о ней мечтать, даже если бы я ее увидел?

– По той же причине, что и все мужчины на свете – потому что она красива.

– Красивее тебя, Флоренс?

– Разумеется красивее! Я вовсе не красива!

– Глупости, Флоренс, ты очень красива!

Она остановилась и взяла его за руку.

– Ты правда так думаешь? – она пристально посмотрела в темные глаза Эрнеста. – Я рада, что ты так думаешь.

Они были совсем одни в этих летних сумерках, ни на пляже, ни на скалах не было ни одной живой души. Прикосновение руки Флоренс, ее искренность волновали Эрнеста; тихая красота этого вечера, сладость свежего морского воздуха, рокот волн, угасающий багрянец неба – все это тоже не могло не добавить очарования всей сцене. Лицо девушки было очень привлекательно, особенно сейчас, когда она так пристально смотрела на Эрнеста – и не забудем, ему был всего двадцать один год. Он медленно склонился к ней, словно давая возможность отстраниться, избежать прикосновения – но она не хотела отстраняться, и в следующий миг он поцеловал ее трепещущие губы.

Это было глупо – ведь он не любил Флоренс, и он едва ли сделал бы это, прислушайся он к голосу рассудка... Но дело было сделано – и кто же может повернуть время вспять?

Эрнест увидел, как побледнело ее смуглое личико, на секунду показалось, что она сейчас обнимет его за шею... но уже в следующую секунду Флоренс отвернулась от него.

– Ты... серьезно? Или ты играешь со мной?

– Серьезно ли я? О да!

– Эрнест, я... – Девушка снова взяла его за руку и заглянула в глаза. – Ты действительно любишь меня так же, как... теперь мне не стыдно это произнести... как я люблю тебя?

Эрнест чувствовал себя ужасно. Поцеловать молодую женщину – это одно, он и раньше делал это, но подобный всплеск чувств испугал его, это было гораздо больше того, на что он рассчитывал. Какая-то его часть чувствовала удовлетворение при виде того, какие сильные чувства испытывает к нему Флоренс – однако Эрнест отдал бы все, чтобы она не испытывала подобных чувств. Он колебался, не в силах ответить сразу.

– Как ты серьезна! – наконец смог сказать юноша.

– Да, – просто ответила она. – Я серьезна, я давно уже серьезна. Вероятно, ты достаточно хорошо меня узнал, чтобы понять: я не та женщина, с которой можно играть. Надеюсь, что и ты тоже – серьезен, иначе худо будет нам обоим.

С этими словами она отбросила его руку, словно она жгла ее.

Эрнест попытался взглянуть на все холодно и рассудительно – и нашел, что положение совершенно ужасно. Что нужно сказать или сделать, он не знал, поэтому стоял молча, и молчание помогло ему больше, чем любые слова.

– Вот как, значит... Я тебя напугала, Эрнест. Это потому, что я люблю тебя. Когда ты меня поцеловал, мир вокруг сделался так прекрасен, и я словно услышала музыку небес. Ты пока еще не понимаешь меня – я слишком неистова, я знаю – но иногда я думаю, что сердце мое глубоко, словно море, и что я могу любить в десять раз сильнее, чем все эти легкомысленные женщины вокруг меня. Я могу так любить – а могу и ненавидеть.

Подобные слова никак не могли успокоить Эрнеста.

– Ты странная девушка, – тихо сказал он.

– Да! – отвечала она с улыбкой. – Я знаю, что я странная; но пока я с тобой – мне так хорошо, а когда тебя нет – моя жизнь пуста, и в голове мечутся только горькие мысли, словно летучие мыши. Однако, доброй ночи! Мы ведь увидимся завтра на танцах у Смитов, не правда ли? И ты будешь танцевать со мной? И ты не должен танцевать с Евой, помни! – или, по крайней мере, не слишком часто – иначе я буду ревновать, а это будет плохо для нас обоих. Так значит – доброй ночи, мой дорогой, доброй ночи! – и она снова подняла к нему свое пылающее личико для поцелуя.

Эрнест поцеловал ее – у него не было иного выхода – и она ушла. Он смотрел ей вслед, пока ночные тени не поглотили ее фигурку, а затем уселся на большой валун, растерянно вытер лоб и засвистел.

По крайней мере, попытался засвистеть!

Глава 8. Идиллия в саду

В ту ночь Эрнест спал очень плохо: вчерашняя сцена никак не шла у него из головы, и он проснулся в угнетенном состоянии, которое всегда следует за неприятностями, совершенными глупостями и неумеренным употреблением салата из омаров. Его мрачное настроение не мог развеять даже прекрасный солнечный день; напротив, он, скорее, усугубил его. Эрнест был неопытен в любовных делах, но, даже будучи неопытным, понимал, что впутался в крайне неловкую ситуацию. Он несколько не был влюблен в мисс Чезвик – скорее, он опасался Флоренс. Она была, как он и говорил вчера, так ужасно серьезна. Будучи всего на год старше Эрнеста, она, тем не менее, обладала таким сильным и жестким характером, такой волей к достижению своих целей, которыми вряд ли могли похвастаться представительницы ее пола в любом возрасте. Об этом-то он знал уже давно – он лишь не мог предположить, что вся эта воля и страсть будут с такой силой направлены именно на него.

Злосчастный поцелуй словно распахнул ворота шлюзов ее души – и теперь поток чувств Флоренс грозил смыть несчастного Эрнеста Кершо. Он понятия не имел, что ему теперь делать. Поначалу он хотел рассказать все Дороти и спросить у нее совета, но инстинктивно догадался, что делать этого не следует. Затем он подумал о Джереми, но отказался и от этой идеи. Что мог знать Джереми о подобных вещах? Эрнест даже и не догадывался, что Джереми буквально распирает от его собственной сердечной тайны, заговорить о которой ему мешало смущение.

Чем дольше Эрнест размышлял, тем яснее ему становилось, что у него остался лишь один безопасный выход из неприятного положения: бегство. Да, это позорно, что правда то правда, но, по крайней мере, Флоренс не сможет последовать за ним. Он уже давно договорился с одним из университетских друзей отправиться путешествовать во Францию в конце августа, то есть – недель через пять. Что ж, он поменяет планы и отправится в путь немедленно.

Частично утешившись этой мыслью, он принялся одеваться, готовясь к вечеру у Смитов, где ему снова предстояло встретиться с Флоренс; большим облегчением было думать, что уж там-то она не будет требовать от него новых поцелуев. Танцы должны были начаться после лаун-тенниса, Дороти и Джереми собирались участвовать в турнире и потому уже ушли. Эрнест, по понятным причинам, отказался – и собирался ограничиться одними танцами.

Когда он вошел в бальный зал особняка Смитов, уже началась первая кадрили. Пробираясь между гостями, Эрнест почти сразу наткнулся на Флоренс Чезвик, которая сидела рядом с Дороти, а позади девушек маячила огромная фигура Джереми. Казалось, обе девушки ждали Эрнеста, потому что Флоренс немедленно освободила ему место на скамье и пригласила сесть рядом. Эрнест сел.

– Ты опоздал, – негромко заметила она. – Почему ты не пришел на теннис?

– Я полагал, что наша команда и без того укомплектована, – ответил Эрнест, кивая в сторону Джереми и Дороти. – Почему ты не танцуешь?

– Потому что меня никто не приглашает! – довольно резко ответила Флоренс. – Кроме того, я ждала тебя.

– Джереми! – обернулся Эрнест к другу. – Флоренс говорит, ты не пригласил ее на танец.

– Не говори ерунды, ты прекрасно знаешь, что я не танцую.

– Конечно! – вставила Дороти. – Это сразу бросается в глаза: во всем зале нет более несчастного на вид человека, чем ты.

– И такого же огромного, – ввернула Флоренс.

Джереми немедленно забился в угол, стараясь выглядеть меньше ростом. Его сестра была совершенно права: танцы были истинной пыткой для Джереми Джонса. Тем временем кадрили закончилась, и начался вальс, который Эрнест танцевал с Флоренс. Оба неплохо вальсировали, и Эрнест старался кружиться как можно больше, чтобы избежать любой возможности разго-

воров во время танца. Во всяком случае, пока не прозвучало ни единого намека на события вчерашнего вечера. Отведя после танца Флоренс на место, он спросил:

– Где твои тетушка и сестра, Флоренс?

– Сейчас придут, – коротко ответила девушка.

Следующий танец – галоп – Эрнест танцевал с Дороти, которая сегодня больше напоминала ребенка, нежели взрослую женщину, в своем белом муслиновом платье. Однако – ребенок или женщина – выглядела она очень привлекательно. Эрнест даже подумал, что никогда еще не видел, чтобы это серьезное маленькое личико с огромными голубыми глазами было столь красиво. Нет, Дороти не была хорошенькой – в общепринятом смысле слова, – однако ее лицо было одухотворенным, его словно освещала присущая ей доброта и вечное стремление заботиться о других...

– Ты сегодня прелестна, Куколка! – сказал Эрнест.

Она вспыхнула от удовольствия и просто ответила:

– Я рада, что ты так думаешь.

– Да, именно так я и думаю: ты – прелестна.

– Перестань, Эрнест! Разве ты не можешь подыскать кого-нибудь другого, чтобы потренироваться расточать комплименты? Зачем тратить их на меня? Я хочу посидеть.

– Честное слово, Куколка, не знаю, что на тебя нашло в последнее время – ты все время сердишься.

Она вздохнула и мягко ответила:

– Сама не знаю, Эрнест. Я и правда все время какая-то сердитая... но ты не должен смеяться надо мной. О, вот и мисс Чезвик с Евой идут сюда.

Эрнест и Дороти подошли к Джереми и Флоренс. Девушки уселись на скамейку, юноши встали рядом: Эрнест перед ними, Джереми позади. После слов Дороти оба молодых джентльмена стали оглядывать комнату, а Дороти и Флоренс с тревогой смотрели на Эрнеста. Так преступник со страхом и надеждой ждет приговора суда, который должен решить его судьбу...

– Я никого не вижу! – легкомысленно заметил Эрнест. – Ах, нет, вот они. О боже!

Чего бы ни ожидали Дороти и Флоренс от Эрнеста, не спуская с него глаз, – увиденное никак не могло их удовлетворить. Дороти побледнела и откинулась назад с вымученной улыбкой разочарования: она ожидала подобной реакции. Однако Флоренс не признавала разочарований – и вся кровь бросилась ей в лицо, исказив его гримасой ярости. Между тем, Эрнест, забыв обо всем, смотрел в дальний конец зала, понятия не имея о той драме, что разыгрывалась буквально у него под носом; точно так же вел себя и Джереми, точно так же вели себя и все мужчины в этом балльном зале.

И там было на что посмотреть. К центру зала неспешно шла, или, вернее, выступала – поскольку даже в преклонном возрасте она сохранила поистине королевскую осанку – старая мисс Чезвик. В любой другой ситуации ее приход не остался бы незамеченным, однако сейчас все взгляды были устремлены отнюдь не на нее, а на то ослепительное создание, что ее сопровождало. Старая леди казалась совсем крошечной рядом с высокой и статной Евой Чезвик, одетой в белое платье китайского шелка, к корсажу которого была приколоты одна-единственная роза. Вырез платья был довольно глубоким, и прекрасные точеные руки, плечи и шея были обнажены. Ева обошла почти без всяких украшений – лишь в густых черных волосах, уложенных короной вокруг изящной головки, блестела бриллиантовая звезда. Ее костюм был прост – и потому великолепен; так же великолепна была и она сама – женщина почти совершенной красоты, при взгляде на которую в зале воцарилось молчание. Любой наряд был бы ей к лицу; будучи очень высокой, она, тем не менее, почти плыла над полом, грацией уподобившись белоснежному лебедю, гибкая, словно ива. Однако этим описание ее достоинств не исчерпывалось. Эти восхитительные темные глаза лучились тем светом, который не суждено

было забыть человеку, на которого упал этот нежный и царственный взгляд, однако в нем не было ни капли дерзости или надменности. Вероятно, именно так светят звезды...

Однако сейчас все взгляды были устремлены отнюдь не на нее

Ее коралловые уста были чуть приоткрыты; казалось, Ева сама не осознавала своей красоты и того, что она затмевала всех остальных женщин, просто проходя рядом с ними. Даже если их красота еще минуту назад казалась яркой, несомненной – рядом с Евой все меркло. Ей хватило нескольких секунд, чтобы пересечь бальный зал, но Эрнесту уже казалось, что они давным-давно встретились с ней глазами – и что этот чарующий взгляд навсегда останется в его сердце.

Восторженный взгляд юноши заставил Еву слегка покраснеть, в этом не было никаких сомнений. Она прошла мимо него, гадая про себя, кто он – и слегка наклонив голову в скромном приветствии.

– Ну вот, наконец, и мы, – обратилась Ева к своей сестре, и голос ее был необыкновенно музыкален. – Представляешь, что-то случилось с колесом двуколки, и нам пришлось остановиться, чтобы его могли починить.

– Разумеется! – откликнулась Флоренс. – Я-то подумала, что вы специально пришли попозже, чтобы произвести впечатление.

– Флоренс! – с укором заметила ее тетушка. – Ты не должна так говорить.

Флоренс ничего не ответила и судорожно поднесла к лицу кружевной платочек. Она успела исцарапать губы до крови.

К этому времени Эрнест пришел в себя. Он увидел, как к ним направляются несколько молодых людей, и сразу понял их намерения.

– Мисс Чезвик! – сказал он. – Вы меня представите?

Не успела старая леди сделать это, как оркестр вновь заиграл вальс. Через пять секунд Ева уже плыла по залу в объятиях Эрнеста, а молодым людям оставалось лишь оплакивать свою нерасторопность и проклинать сквозь зубы – говоря по чести – «этого щенка Кершо».

Танцевала Ева божественно, ноги ее были легки. Почти невесомо опираясь на его руку, она вальсировала с Эрнестом во всем блеске своей красоты, и даже старая леди Этли соизволила опустить свой высокомерно задранный нос на дюйм, а то и больше – и соизволила спросить, кто этот красивый молодой человек, танцующий с «высокой девушкой». Вскоре танец закончился, и Эрнест тут же заметил некоего решительного молодого человека, идущего к ним с явным намерением заручиться согласием Евы на следующий танец.

– У вас есть карточка? – быстро спросил он.

– О да.

– Вы позволите мне вписать мое имя на следующий танец? Мне кажется, у нас неплохо получается.

– Да, мы прекрасно поладили. Вот она.

Претендент нетерпеливо кружил вокруг них, сердито глядя на Эрнеста. Эрнест весело кивнул ему и решительно вписал свое имя в бальную карточку Евы – на три танца вперед.

Глаза Евы расширились, однако она ничего не сказала; партнер действительно оказался великолепен.

– Могу я спросить, Кершо... – грозно начал неудачливый соперник.

– О, разумеется! – доброжелательно откликнулся Эрнест. – Буквально через несколько минут, мой друг, я в вашем распоряжении.

И они с Евой вновь закружились в танце.

Когда танец закончился, они оказались как раз рядом со скамьей, на которой в одиночестве сидела старая мисс Чезвик. Флоренс и Дороти танцевали, а Джереми по-прежнему мрачно стоял в углу, отчаянно напоминая медведя, у которого разболелась голова. Ева с улыбкой протянула ему руку.

– Надеюсь, вы потанцуете со мной, мистер Джонс?

– Я не танцую, – коротко ответил он и отошел.

Ева с удивлением смотрела ему вслед – отказ прозвучал довольно грубо.

– Мне кажется, у мистера Джонса плохое настроение! – с улыбкой сказала она Эрнесту.

– О, он странный человек; выход в свет всегда заставляет его нервничать, – небрежно отмахнулся Эрнест.

Их окружила целая толпа потенциальных партнеров по танцам, и Эрнесту пришлось отступить перед их напором.

Между тем бал близился к концу. В зале, несмотря на открытые окна, было очень жарко, поэтому разгоряченные танцоры выходили в сад прогуляться. Оказались среди них и Ева с Эрнестом, только что станцевавшие свой третий вальс и окончательно убедившиеся, что у них «прекрасно получается вместе».

Вышли на свежий воздух и еще трое – Флоренс, Дороти и ее брат. Удивительно, как люди, объединенные несчастьем, стараются держаться вместе. Эти трое шли молча; им нечего было сказать друг другу. Вскоре они увидели две высокие фигуры, стоящие возле кустов, над которыми мерцал, догорая, китайский фонарик. Высокий рост способен выдать человека даже в темноте, и потому не могло быть никаких сомнений в том, кто эти фигуры. Троица несчастных остановилась. Именно в этот миг китайский фонарик ярко вспыхнул в последний раз – и осветил прекрасную сцену. Эрнест склонился к Еве, его темные глаза горели страстью, он о чем-то умолял. Ева слегка зарумянилась и не смотрела на него – ее взгляд был прикован к розе у нее на корсаже; девушка подняла руку – кажется, для того, чтобы отстегнуть цветок. Свет оказался настолько ярким, что Дороти впоследствии никак не могла забыть, какую длинную тень отбрасывали длинные ресницы Евы на нежную щеку. Через миг все погрузилось во тьму, что происходило возле кустов дальше – никто не видел, однако когда Ева вернулась в бальный зал, цветка на платье у нее больше не было.

Как бы ни была очаровательна и романтична сцена в этом маленьком подобии Эдема, где в те мгновения царили молодость, красота и любовь, – никто из трех зрителей не оценил ее по достоинству. Джереми забыл о присутствии дам и зашел так далеко, что ругался вслух, однако они не упрекали его: возможно, это давало хоть какой-то выход и их чувствам.

– Я думаю, нам пора домой, уже поздно, – помолчав, сказала Дороти. – Джереми, ты не сходишь за коляской?

Джереми молча исчез во тьме.

Флоренс не произнесла ни слова, просто взяла веер обеими руками и медленно согнула его пополам, так, что пластинки из слоновой кости щелкнули, сломались, брызнули осколками. Затем она бросила исковерканный веер на дорожку и растоптала его. Было что-то несказанно жестокое в том, как она расправилась с красивой безделушкой. Это действие казалось инстинктивным результатом какого-то мучительного мыслительного процесса; оно было доказательством тех чувств, которые испытывали обе девушки, и даже нежная и сдержанная Дороти не видела сейчас в этой жестокости ничего странного. В этот момент они с Флоренс были близки, как никогда раньше – и никогда уже не будут; общий жестокий удар на мгновение спаял их души воедино. В тот же момент они догадались, что обе любят одного и того же человека; они предполагали это и раньше, подсознательно не любя друг друга, – однако сейчас неприязнь была забыта.

– Флоренс, я думаю... – сказала Дороти тихим, слегка дрожащим голосом, – что мы с тобой «сошли с дистанции», как выражается Джереми. Твоя сестра слишком красива, чтобы противостоять ей. Он влюбился.

– Да! – отвечала Флоренс с горьким смешком, ее карие глаза пылали. – Ее высочество изволило бросить платок новому фавориту – и он не преминул подхватить его. Мы всегда звали ее «султаншей».

Флоренс снова рассмеялась.

– Возможно, – заметила Дороти, – она просто флиртует с ним. Я надеюсь, что Джереми...

– Джереми! Да какие шансы у Джереми против него?! Эрнест поладит с женщиной за два часа, а Джереми не справится с этим и за два года. Мы все любим сильные чувства, шторм, страсть, моя дорогая. Не обманывай себя. Флиртует! Да она будет по уши влюблена в него к концу недели. И кто бы мог не влюбиться в него.... – теперь дрогнул и голос Флоренс.

Дороти не ответила, она знала, что Флоренс права. Несколько шагов они сделали в полном молчании.

– Дороти? А знаешь, что на самом деле случается с фаворитками султанов?

– Нет.

– Их конец печален – другие обитатели гарема убивают их. Как правило.

– Что ты хочешь сказать?

– О, не пугайся, разумеется, я не имею в виду, что мы должны убить мою дорогую сестричку. Нам надо подумать, как сбросить ее с пьедестала. Ты поможешь мне придумать план?

Первое потрясение уже прошло, и теперь лучшая сторона Дороти вновь управляла ее разумом.

– Разумеется, нет! Эрнест имеет право на собственный выбор, и если твоя сестра оказалась лучшей – ничего не поделаешь, побеждает сильнейший. Хотя, конечно, это немного нечестно. Бой был неравный.... – добавила она, вспомнив ослепительную красоту Евы.

Флоренс с презрением посмотрела на нее.

– У тебя совсем нет характера!

– А что ты собираешься делать?

– Что делать? – Флоренс резко повернулась и посмотрела на Дороти. – Я собираюсь отомстить.

– О Флоренс, как злобно это прозвучало! Кому ты собираешься мстить и за что? Эрнесту? Он не виноват, что ты... что он тебе нравится.

– Разумеется, виноват, но дело совершенно не в этом, виноват, не виноват... Я страдаю! И запомни мои слова, потому что они сбудутся: он тоже будет страдать! С какой стати я должна нести эту ношу одна? Однако даже он не будет страдать так, как она! Я говорила ей, что люблю его, она пообещала мне оставить его в покое – ты слышишь, обещала! – и тут же украла его у меня, только для того, чтобы удовлетворить свое тщеславие – она, которая могла бы выбрать любого!

– Тише, Флоренс! Держи себя в руках, тебя могут услышать. Кроме того, должна сказать, что мы делаем из мухи слона: в конце концов, она всего лишь подарила ему розу.

– Меня не волнует, услышат меня или нет! Я знала, что так будет, я знала, что так должно было случиться, и знаю, что будет дальше. Попомни мои слова: не пройдет и месяца, как Эрнест и моя обожаемая сестрица будут сидеть на утесе в обнимку! Мне достаточно закрыть глаза – и я вижу эту картину. О, вот и Джереми. Ты нашел коляску? Отлично. Пойдем, Дороти – попросимся и уедем. Вы ведь завезете меня домой, не так ли?

Полчаса спустя собрались домой и мисс Чезвик с Евой; подъехала к дому и двуколка Эрнеста. Однако мисс Чезвик была очень обеспокоена из-за сломанного колеса их коляски, и Эрнест счел своей обязанностью убедиться, что они без приключений доберутся домой, а потому приказал двуколке следовать за ними, а сам забрался в коляску, не дожидаясь приглашения.

Разумеется, мисс Чезвик задремала, но Эрнест и Ева вряд ли последовали ее примеру. Возможно, они слишком устали, чтобы разговаривать; возможно, они уже постигли блаженство, которое иногда может принести и совершенно безмолвное общение; возможно, то, как нежно сжимал Эрнест маленькую ручку, доверчиво лежащую в его ладони, было красноречивее любых слов...

Не спеши возмущаться, мой читатель! Ты или я – любой из нас поступил бы так же и чувствовал себя при этом абсолютно счастливым.

Во всяком случае, эта поездка закончилась слишком быстро.

Флоренс сама открыла им дверь – она уже отпустила служанку спать.

Подойдя к дверям своей комнаты, Ева обернулась, чтобы пожелать сестре спокойной ночи, однако та в ответ не кивнула, как обычно, а шагнула к Еве и крепко ее поцеловала.

– Поздравляю! Премилое платье – и отличная победа! – С этими словами Флоренс еще раз поцеловала Еву и ушла к себе.

«Совершенно не похоже на Флоренс, – подумала Ева. – Не могу вспомнить, когда она целовала меня в последний раз».

Она еще не знала, что есть поцелуи, скрепляющие мир и любовь, – а есть поцелуи, означающие начало войны и мести, поцелуи предательства. Первым был Иуда, поцеловавший своего Учителя – и предавший Его...

Глава 9. Ева что-то находит

Наутро после бала Эрнест проснулся с сильной головной болью. Сначала лишь она и занимала все его мысли, но потом взгляд его упал на увядающую алую розу, лежащую на туалетном столике, и он улыбнулся. Затем настал черед отрывочных, зачастую бессвязных мыслей, которые всегда сопровождают даже самые приятные воспоминания – и улыбаться он перестал.

В конце концов, Эрнест зевнул и поднялся с постели. Когда он добрался до гостиной, которая выглядела прохладной и уютной, в отличие от залитого ярким июльским солнцем двора, он обнаружил, что все остальные уже позавтракали. Джереми ушел, но его сестра была там, немного бледная – вероятно, из-за позднего возвращения домой.

– Доброе утро, Долл!

– Доброе утро, Эрнест, – ее голос прозвучал довольно холодно. – Я старалась сохранить чайник горячим, но теперь, боюсь, он все-таки остыл.

– Ты добрый самаритянин, Куколка. У меня голова раскалывается. Надеюсь, чай поможет.

Дороти улыбнулась, подавая ему чашку; если бы она могла сейчас говорить с ним откровенно, то сказала бы то же самое о своем сердце.

Эрнест выпил чай и, по всей видимости, почувствовал себя лучше, поскольку довольно веселым тоном спросил девушку, как ей понравились вчерашние танцы.

– О, все было просто прекрасно, спасибо. А тебе – понравилось?

– Все было ужасно, Долл, клянусь! Долл?

– Да, Эрнест?

– Разве она не прелестна?

– Кто, Эрнест?

– Кто! Ева Чезвик, разумеется!

– Да, Эрнест, она очень мила.

В ее голосе прозвучала странная нотка, и Эрнест почел за благо не развивать тему дальше.

– Где Джереми?

– Он ушел.

Эрнест наскоро прикончил вторую чашку чая и тоже вышел из дома, где почти сразу наткнулся на Джереми, спешащего куда-то.

– Привет, мой друг! Как чувствуешь себя после вчерашних безумств?

– Хорошо, спасибо, – сухо ответил Джереми.

Эрнест вскинул на него испытующий взгляд. Голос несомненно принадлежал Джереми, однако тон был непривычен и даже незнаком. Эрнест схватил друга за руку.

– Что-то случилось, старик?

– Ничего.

– Случилось, я же вижу! Что такое? Выговорись! Я отличный исповедник, вот увидишь.

Джереми молча высвободил руку. Он выглядел отчужденным, Эрнест никогда его таким не видел, и это больно ранило его. Отступив, он сказал совсем другим тоном:

– Ну, конечно, если тебе нечего сказать, то я пойду...

– Как будто ты не знаешь!

– Честью клянусь – не знаю!

– Тогда зайдем ко мне – и я тебе скажу! – с этими словами Джереми распахнул дверь своего небольшого убежища в каретном сарае, где он набивал свои чучела, хранил коллекции яиц и бабочек и чистил оружие, и величественным жестом пригласил Эрнеста войти.

Эрнест вошел и уселся на стол, уставившись на чучело выпы, которую давным-давно подстрелил Джереми; теперь оно было сильно побито молю и выглядело довольно нелепо, стоя на одной ноге в углу комнаты.

С трудом оторвавшись от бессмысленного взгляда стеклянных глаз выпы, Эрнест спросил:

– Ну, так в чем же дело?

Джереми повернулся к Эрнесту спиной – он чувствовал себя лучше, говоря на такие темы, если не смотрел в глаза собеседнику, – и, обращаясь к пустому пространству перед собой, сказал:

– Я думаю, что это было очень непорядочно с твоей стороны!

– Что именно?

– Прийти и отбить у меня единственную девушку, которую.... которая....

– Которую ты когда-либо любил? – предположил Эрнест с некоторым сомнением.

– Которую я когда-либо любил! – с облегчением выпалил Джереми, поскольку эта фраза весьма точно выражала его чувства.

– Э-э-э, старина, если бы ты был чуть красноречивее и пояснил, о какой именно богине ты говоришь...

– Да о ком еще я могу говорить, если есть всего одна девушка, которая... которую...

– Которую ты когда-либо любил?

– Которую я когда-либо любил!

– Тогда, во имя Священной Римской империи – *кто* она?

– Да Ева Чезвик!

Эрнест присвистнул.

– Послушай, старик! – сказал он после недолгой паузы. – Почему ты не сказал мне раньше? Я понятия не имел даже, что вы с ней знакомы. Ты с ней помолвлен?

– Помолвлен? Нет!

– Но вы с ней собираетесь...

– Нет, конечно нет!

– Послушай, старик, если бы ты просто повернулся ко мне и рассказал, как обстоят дела, мы могли бы во всем разобраться и...

– Дела обстоят так, что я боготворю землю, по которой она ходит, вот!

– А! – сказал Эрнест. – Это очень неудобно, поскольку я, видишь ли, тоже – по крайней мере, я так думаю.

Джереми застонал, и Эрнест тоже застонал.

Помолчав, Эрнест сказал:

– Послушай, старик, что же нам делать? Ты должен был мне рассказать, но ты этого не сделал. Если бы ты сказал, я бы все понял. А теперь... теперь она меня просто сразила.

– И меня тоже.

– Вот что, Джереми. Я уеду и тебе тоже советую бежать отсюда. Не то чтобы мне нравилась сама идея бегства, но у нас ведь ничего нет, мы не можем жениться – да и она в том же положении.

– И нам всего лишь двадцать один год. Мы не можем жениться в двадцать один год, – ввернул Джереми, – иначе к тридцати у нас будет огромная семья. У всех, кто женится в двадцать один, обстоит именно так.

– Ей тоже двадцать один, она мне сказала.

– Мне она тоже сказала! – сказал Джереми, решив показать, что Эрнест не единственный человек на свете, которому известен этот потрясающий факт.

– Ну так что? Мы же не можем говорить об этом бесконечно?

– Нет, – медленно сказал Джереми, и было видно, с каким усилием ему даются слова. – Это было бы несправедливо; кроме того, я полагаю, что дело уже сделано. Ты всем нравишься, старина, женщинам и мужчинам. Нет, ты не должен уезжать, и ссориться по этому поводу мы не станем. Я скажу тебе, что нам надо сделать – мы бросим жребий!

Эрнеста поразило это блестящее предложение.

– Великолепно! – сказал он, доставая из кармана шиллинг. – Один раз бросаем или три?

– Один, разумеется, так мы быстрее покончим с этим.

Эрнест положил монету на большой палец.

– По твоей команде. Но каков же жребий? Мы же не можем ставить на кон живую девушку, как те ребята у Гомера? К тому же мы еще не захватили ее в плен.

Это требовало некоторого обдумывания, и Джереми растерянно почесал в затылке.

– Давай так: у победителя будет месяц на ухаживание, проигравший не должен вмешиваться. Если через месяц у победителя ничего не решится, проигравший использует свой шанс. Если она сделает свой выбор – проигравший будет держаться подальше.

– Годится. Бросаю, смотри внимательно.

Шиллинг взвился в воздух.

– Орел! – рявкнул Джереми.

Монета сверкнула, щелкнула по носу изумленную выпь, упала на пол и закатилась под ящик с образцами окаменелых костей доисторических животных, которые Джереми собирал в прибрежных скалах. Вдвоем юноши с трудом отодвинули ящик и уставились на монету.

– Решка! – с восторгом прошептал Эрнест.

– Я так и знал, что мне не повезет. Ладно, пожмем друг другу руки, Эрнест. Мы не станем ссориться из-за девушки.

Они крепко пожали друг другу руки и расстались, однако с того дня – и довольно надолго – между ними появилось нечто неуловимое, чего раньше никогда не было. Сильна должна быть дружба, узы которой не ослабевают, когда на них падает тень любви к женщине...

В тот день Дороти сказала, что хочет пойти в Кестервик за покупками, и Эрнест вызвался ее сопровождать. Они в полном молчании дошли до Тайтбургского аббатства; оба чувствовали себя неловко и странно скованно, и это мешало их привычным отношениям, которые всегда напоминали отношения брата и сестры. Эрнест уже начал тяготиться этим молчанием, когда Дороти внезапно остановилась.

– Что это? Мне показалось, я слышала чей-то крик.

Они прислушались – и на этот раз оба услышали женский голос, призывающий на помощь. Казалось, он доносился от скалы слева. Эрнест и Дороти поспешили на край утеса и принялись осматриваться. Если вы помните, в двадцати футах от вершины скалы и в пятидесяти с лишним от дна ущелья находился выступ, на котором скопились многочисленные останки, вымытые морем. Теперь он был почти недоступен, поскольку, хотя на первый взгляд спуститься на него было достаточно просто, с двух сторон над ним нависали скалы, образуя козырек, где незадачливому альпинисту было бы не за что ухватиться.

Первое, что увидел Эрнест, наклонившись, была женская ножка, опиравшаяся на шаткий камень. Затем он увидел бледное и перепуганное личико Евы Чезвик, которая замерла в самом неудобном положении на узком уступе на самом краю пропасти, едва удерживаясь, чтобы не отпустить ненадежную опору. Было совершенно очевидно, что девушка не может двинуться с места, чтобы не рухнуть вниз – и лишь отчаянно цепляется за каменную стену, словно муха.

– О боже! – вскричал Эрнест. – Держитесь, я уже иду!

– Я больше не могу!

Одно дело было пообещать, что он идет, и совсем другое – сделать это. Песок осыпался вниз, Эрнесту не за что было зацепиться, чтобы вытянуть девушку из пропасти. Он в отчаянии взглянул на Дороти. Ее быстрый ум в одно мгновение оценил ситуацию – и нашел решение.

– Эрнест, ты должен спуститься к ней, лечь на этот каменный козырек и протянуть ей руку.

– Но там не за что держаться. Если она повиснет на моей руке, мы оба рухнем вниз.

– Нет, я буду держать тебя за ноги. Быстрее, у нее кончаются силы.

Эрнесту потребовалось всего несколько секунд, чтобы добраться до того места, на которое указала Дороти, и улечься на камень. К счастью, он обнаружил удобный выступ песчанника, за который можно было держаться левой рукой. Тем временем Дороти уселась на землю и крепко обхватила лодыжки Эрнеста. Затем юноша протянул руку вниз и, схватив Еву за запястье, напряг все свои силы. Если бы у этой троицы были время и возможность взглянуть на себя со стороны, они бы, возможно, нашли в этой картине много смешного... однако ничего этого у них не было, и менее чем через полминуты их жизни могли бы стоить не больше фартинга. Эрнест напрягал все свои силы – но Ева была крупной девушкой, хоть и легкой на ногу, а ведь ему предстояло вытащить ее практически по вертикальной каменной стене! К тому же Эрнест почувствовал, что и Дороти начинает съезжать вниз.

– Она должна приложить все усилия – иначе мы все упадем! – тихим прерывистым голосом произнесла Дороти.

– Упритесь коленями и рванитесь вперед – это ваш единственный шанс! – крикнул Эрнест измученной Еве.

Она поняла его – и отчаянно боролась за свою жизнь.

– Тяни, Долл, ради бога, тяни! Получается!

Последовало еще одно отчаянное усилие – и Ева оказалась рядом с Эрнестом. Потом еще несколько секунд – и все трое без сил повалились на землю на вершине утеса.

– Боги! – воскликнул Эрнест. – Это было нечто!

Дороти кивнула; она была слишком измучена, чтобы говорить. Ева слабо улыбнулась – и потеряла сознание.

Вскрикнув, Эрнест склонился над ней и стал растирать ее холодные руки.

– О Долл, она мертва!

– Нет, она в обмороке. Дай мне твою шляпу.

Прежде чем он успел понять, чего она хочет, Дороти уже вскочила на ноги и поспешила – настолько быстро, насколько смогла – к ручью, весело звеневшему в сотне ярдов от них и когда-то снабжавшему пресной водой старое аббатство.

Эрнест продолжал растирать Еве руки, с каждой секундой приходя в отчаяние все сильнее. Ее лицо было ужасающе, мертвенно бледным, алый цвет растаял даже на губах. В полном замешательстве, не понимая, что он делает, Эрнест наклонился и поцеловал девушку, потом еще и еще. Этот способ приведения в чувство вряд ли найдется в каком-нибудь медицинском учебнике – однако на этот раз он возымел явственный эффект. Сначала на бледных щеках промелькнула лишь тень румянца, а затем он запыхался вовсю. (Был ли тому причиной новый метод лечения от Эрнеста – или кровь просто прилила к щекам, мы не знаем. И не будем спрашивать.) Затем Ева вздохнула, открыла глаза и села.

– Ты жива! Ты не умерла!

– О нет, не думаю, хотя не могу вспомнить... что случилось? Ах да, я знаю! – С этими словами Ева закрыла лицо руками, словно заслоняясь от какого-то ужасного видения. Справившись с собой, она отняла руки и посмотрела на Эрнеста.

– Ты меня спас. Если бы не ты, мое исковерканное тело сейчас лежало бы у подножия этой ужасной скалы. Я так благодарна тебе!

В этот момент вернулась Дороти, принесла немного воды в черной шляпе Эрнеста – большую часть она пролила по дороге.

– Вот, выпей, Ева! – сказала она.

Ева попыталась это сделать, однако шляпу вряд ли можно назвать удобным сосудом, нужно иметь определенную сноровку, чтобы приспособиться пить из нее – и потому пролила на себя она гораздо больше, чем выпила. Однако и этой малости было достаточно. Ева положила шляпу на землю, и все трое рассмеялись – так забавно выглядели попытки девушки пить из старой потрепанной шляпы.

– Долго ты там находилась до нашего появления? – спросила Дороти.

– Нет, не очень, всего каких-то полминуты.

– Зачем же ты туда полезла? – спросил Эрнест, водружая на голову мокрую шляпу, поскольку солнце припекало.

– Я хотела посмотреть на кости. Я довольно сильная и думала, что справлюсь с подъемом... но песок такой скользкий. О, я совсем забыла! Взгляните-ка сюда! – С этими словами Ева показала тонкий, но прочный шнурок, привязанный к ее запястью.

– Что это?

– Я привязала другой его конец к странной свинцовой шкатулке, которую нашла в песке. Мистер Джонс сказал недавно, что это часть гроба, но это вовсе не так – это шкатулка с ручкой на крышке. Я не смогла ее вытащить, но у меня был с собой этот шнурок, и я привязала его к ручке.

– Давайте вытащим ее! – воскликнул Эрнест, быстро развязывая шнурок на руке девушки.

Он с силой потянул за шнур – однако шкатулка оказалась слишком тяжелой; справиться им удалось только втроем, и наконец они вытянули трофей на утес. Эрнест внимательно осмотрел шкатулку и решил, что она очень древняя. Массивная железная ручка на крышке была почти съедена ржавчиной, а свинец, из которого была сделана сама шкатулка, сильно пострадал от воды, хотя в некоторых местах сохранились остатки дубовых пластин, которыми он был обшит. Очевидно, морские волны вымыли эту странную вещь из чьей-то древней могилы, где она покоилась веками.

– Как интересно! – сказала Ева, уже забывшая о своих злоключениях. – Что в ней может быть – сокровища или бумаги?

– Не знаю, – протянул Эрнест. – Я не думаю, что такие вещи принято прятать на кладбище. Возможно, там останки маленького ребенка.

– Эрнест, мне это не нравится! – взволнованно вмешалась Дороти. – Сама не знаю почему – но мне кажется, что эта вещь приносит несчастье! Лучше выбросить ее туда, где она была, или прямо в море. Это ужасная вещь, и мы уже едва не погибли из-за нее.

– Чепуха, Куколка! Не думал, что ты так суеверна. Может, шкатулка и впрямь полна драгоценностей или денег? Вернемся домой и откроем ее.

– Я вовсе не суеверна, и вы можете забрать ее домой, если хотите. Я лично ее трогать не буду и повторяю – она ужасна!

– Хорошо, Долл, тогда тебе не достанется твоя доля сокровищ, мы с мисс Чезвик разделим все пополам. Вы ведь поможете мне донести ее до дома, мисс Чезвик? Если, конечно, не боитесь ее, так же, как Долл.

– О нет, – отвечала Ева. – Я не боюсь. Я умираю от любопытства – что же там внутри?

Глава 10. Находка Евы

– Вы уверены, что не слишком устали? – спросил Эрнест после недолгого раздумья.

– Вполне. Я чувствую себя отдохнувшей, – слегка вспыхнув, отвечала Ева.

Эрнест тоже покраснел, видимо, из солидарности, и отправился за обломком ветви низкорослого дуба, выросшего посреди развалин аббатства прямо на месте алтаря. Он продел палку сквозь железную ручку шкатулки, и они с Евой взялись за ее концы. Дороти возглавила торжественную процессию.

Джереми и мистер Кардус прогуливались возле дома и курили, когда удивительная компания показалась из-за поворота. Они поспешили навстречу.

– Что это у вас? Что случилось? – спросил мистер Кардус у Дороти, которая обогнала своих спутников на добрых пятьдесят ярдов.

– О Реджинальд, это долгая история. Сначала мы нашли мисс Еву Чезвик, она... едва не упала с утеса, и мы появились как раз вовремя, чтобы вытащить ее.

– Ну вот, пожалуйста – снова мое везение! – огорченно воскликнул Джереми. – Я бы мог десять лет просидеть на этой скале – и у меня все равно не было бы ни единого шанса спасти мисс Еву!

– ...а потом мы подняли снизу эту жуткую шкатулку, которую нашла мисс Ева. Она привязала к ней веревку.

– Да! – воскликнул, подходя, Эрнест. – И представьте – Дороти хотела, чтобы мы выбросили ее обратно в ущелье!

– Да, хотела! Я сказала, что она приносит несчастье – и она действительно приносит несчастье, она проклята!

Мистер Кардус решительно вмешался в спор, с интересом рассматривая находку.

– Взор, Дороти! Это очень интересно. Я думаю, в ней спрятали что-то ценное и закопали на кладбище аббатства ради безопасности – однако так и не вернулись за спрятанным. Позвольте, мисс Чезвик? Я донесу шкатулку, а Джереми сбегает за молотком и долотом. Совсем скоро мы разгадаем тайну этой шкатулки.

– Очень хорошо, Реджинальд. Посмотрим! – бросила Дороти.

Мистер Кардус с любопытством посмотрел на девушку. Странно, что она так быстро согласилась с ним.

Они подошли к дому и вскоре были уже в гостиной. Джереми уже ждал их, вооруженный молотком и долотом. Он прекрасно умел обращаться с инструментами: вряд ли было на свете ремесло, которым бы он не владел в достаточной степени. Поставив шкатулку на стол, он приступил к делу.

Свинец, хоть и частично съеденный соленой водой, был все еще крепок и не особенно податлив, поэтому Джереми потребовалось не менее четверти часа, чтобы разбить корпус шкатулки. Волнение собравшихся возрастало с каждым ударом молотка, но затем их ждало разочарование: то, что Джереми удалил, оказалось лишь частью внешнего защитного корпуса – под ним скрывался еще один сундучок, также из свинца.

– Что ж, – заметил Джереми, – они знатно его спрятали!

Он снова принялся за работу.

Стенки второго сундучка оказались тоньше и поддавались лучше, так что Джереми быстрее справлялся с работой, но все же не настолько быстро, чтобы не вызвать нетерпения у окружающих. Наконец, передняя стенка отвалилась, и на свет появилась третья шкатулка, уже деревянная, изготовленная из мореного дуба в виде миниатюрного шкафчика с дверцей, запертой на металлическую защелку с замком. От нее шел сильный и пряный запах специй.

Волнение собравшихся достигло наивысшей точки и передалось, кажется, всем, кто был в доме. Грайс зашла в гостиную и остановилась возле дверей, Сэмпсон и мальчишка-конюх заглядывали в окно, и даже старый Аттерли, привлеченный звуками ударов молотка, бездумно бродил вдоль дома.

– Что же это может быть? – прерывисто вздохнув, прошептала Ева.

Джереми осторожно высвободил шкафчик из свинцового плена и водрузил на стол.

– Я открываю?

После этого он без лишних слов поддел долотом дверцу шкафчика, нажал – и открыл шкатулку.

Запах специй усилился, целое облачко их вырвалось наружу, заставив отпрянуть тех, кто наклонился слишком низко. Когда ароматная пыль рассеялась, внутри стал виден узелок из светлой ткани, довольно большой. Джереми решительно сунул руку в шкатулку и вытащил узелок. Он положил его на крышку шкатулки. Узелок оказался довольно увесистым. Странно, но Джереми, похоже, вовсе не хотелось продолжать исследование. По его мнению, узелок выглядел как-то... отталкивающе.

В этот момент в открытую дверь вошла Флоренс Чезвик. Она пришла повидаться с Доротой и была очень удивлена, найдя такое собрание в гостиной.

– Что здесь происходит? – спросила она.

Кто-то наскоро пересказал ей события сегодняшнего дня – всеобщее внимание по-прежнему было приковано к странному узелку, который никому не хотелось трогать.

– Хорошо, так почему же вы не развяжете его? – нетерпеливо спросила Флоренс.

– Я полагаю, мы все немного боимся! – со смехом отвечал мистер Кардус, с любопытством оглядывая собравшихся.

– Ну я, во всяком случае, не боюсь! – заявила Флоренс. – Дамы и господа, голова Горгоны вот-вот явится на свет, так что будьте осторожны и отвернитесь – иначе превратитесь в камень.

– Это становится таким восхитительно-пугающим! – шепнула Ева Эрнесту.

– Я знаю, там будет что-то ужасное! – обреченно промолвила Дороти.

Тем временем Флоренс вытащила старинную булавку, которой был сколот узелок, и принялась разворачивать ткань. Едва она развернула первый слой, на стол снова посыпались специи. Убрав их в сторону, Флоренс принялась медленно и очень аккуратно разворачивать ткань дальше. Чем больше ткани она разматывала, тем более отчетливую форму приобретал узелок – и это была форма человеческой головы!

Ева встала поближе к Эрнесту, а Джереми немедленно захотелось сбежать из гостиной. Дороти поняла, что ее дурные предчувствия относительно содержимого шкатулки начинают сбываться; мистер Кардус увидел это и заинтересовался еще больше. Только Флоренс и «лихой наездник Аттерли» не увидели ничего особенного. Еще один оборот ткани – и вся она соскользнула с того предмета, что был надежно ею укрыт.

В гостиной воцарилась мертвая тишина, царившая несколько секунд, пока все рассматривали то, что скрывалось под тканью. Затем одна из женщин вскрикнула от ужаса, и тогда все, повинувшись какому-то общему импульсу, в страхе кинулись прочь из гостиной, восклицая на ходу: «Она живая! Живая!» Впрочем, нет, не все. Флоренс сильно побледнела, но осталась стоять возле стола, комкая в руках древнюю ткань. Остался и старый Аттерли – он замер и не сводил с предмета глаз, то ли парализованный страхом, то ли очарованный зрелищем.

Казалось, и то, что было найдено в старинной шкатулке, отвечает старику таким же взглядом.

Что же это было?

Пусть читатель представит себе лицо и всю голову прекрасной женщины лет тридцати. Голова эта покрыта густыми и длинными каштановыми локонами, а венчает ее довольно грубо выкованная корона, усеянная негранёными драгоценными камнями. Пусть он представит себе

бледное, обескровленное лицо, на котором выделяются лишь алые губы – однако плоть упруга и свежа, словно и речи нет об останках, несколько веков пролежавших в земле. Голова эта, по всей видимости, была когда-то безжалостно отсечена от тела столь острым клинком и так искусно, что теперь она могла спокойно стоять на ровной поверхности.

Пусть представит он и самое страшное. Глаза мертвеца обычно закрыты – однако эта голова смотрела на вас широко открытыми глазами, осененными длиннейшими черными ресницами. Сами же глаза представляли собой два огненных шара, наполненных жидким пламенем – они перекачивались в глазницах, вращались и мерцали, словно и впрямь покойница устремляла свой жуткий взгляд на того из живых, кто осмелился нарушить ее сон. Именно этот страшный взгляд и привел в такой ужас зрителей, уверявших друг друга на бегу, что голова – живая.

Только после тщательного изучения мистер Кардус смог понять, чем были эти огненные шары, – и читатель может догадаться, что на самом деле эта мертвая голова ничем не отличалась от любых умело забальзамированных останков. Глаза были изготовлены из кристаллов горного хрусталя, искусно ограненных и помещенных в голову, вероятно, на тонких пружинах. Прodelано это было поистине с адским мастерством, и теперь они дрожали и вращались при малейшем сотрясении поверхности, даже от слишком сильных звуков.

Сама же голова, что также обнаружил мистер Кардус, была забальзамирована не вполне обычным способом – когда извлекается мозг и полость заполняется смолой или битумом. Здесь же неведомый бальзамировщик использовал инъекции двуокиси кремния или какого-то похожего вещества прямо в мозг, вены и артерии. Пропитав всю плоть, вещество затвердело, придав человеческим останкам твердость мрамора. Вероятно, были использованы специальные пигменты для сохранения цвета волос и ресниц, а также окрашивания губ; помогли и многочисленные пряные специи. Однако самой страшной была насмешливая улыбка, которую адский художник сумел сохранить на этом прекрасном лице. Улыбка была достаточно широка, чтобы продемонстрировать белоснежные зубы и создать впечатление, что их владелица умерла, от души наслаждаясь своей злобной посмертной шуткой. Невыносимо было смотреть на это лицо давно умершей женщины, на эти густые волосы, на жуткую корону, страшные хрустальные глаза и леденящую улыбку. Однако в этом ужасе таилось и странное очарование: однажды увидевший это зрелище уже не мог его забыть до конца своих дней.

Мистер Кардус выбежал из гостиной вместе со всеми остальными, однако потом здравый смысл возобладал, и он остановился.

– Пойдите! Не будьте такими глупцами, вы же не собираетесь убегать от головы покойницы, не так ли?

– Вы тоже убежали! – задыхнувшись, отвечала Дороти.

– Да, побегал, признаю – меня поразили и испугали эти глаза. Но они, разумеется, стеклянные. Я иду обратно – все это крайне интересно!

– Эта вещь проклята! – пробормотала Дороти.

Мистер Кардус повернулся и снова вошел в гостиную; постепенно и остальные, успокоенные ярким светом солнечного дня, потянулись за ним. Впрочем, не все – перепуганная до смерти Грайс проболела от потрясения еще два дня. Что же касается Сэмпсона и мальчишки-конюха, наблюдавших все через окно, то они удрали на целую милю от дома, до самого утеса, где только и смогли остановиться.

Когда все вернулись в гостиную, обнаружилось, что старый Аттерли по-прежнему стоит и смотрит в хрустальные глаза, а те словно отвечают ему таким же пристальным взглядом; Флоренс же все так же сжимает в руках полотно, глядя на широкую волну густых волос, рассыпавшихся по столу и свесившихся чуть ли не до самого пола. Как ни странно, волосы эти были того же цвета, что и у девушки – все это заметили, поскольку она сняла шляпку, когда начала разворачивать сверток. Сходство этим не ограничивалось: черты лица мумии тоже были очень

похожи на Флоренс, похожа была презрительная улыбка, похожи были и красивые зубы. Честно говоря, мертвое лицо было куда более прекрасным, но в остальном эта женщина – а судя по грубо сделанной короне, она принадлежала к древнему племени саксов – и живая девушка девятнадцатого века вполне могли сойти за сестер, или за мать и дочь. Сходство это поразило всех без исключения – но никто не проронил ни слова.

Приблизившись, они снова оглядели страшную находку. Дороти первой нарушила молчание.

– Должно быть, она была ведьмой, – сказала она. – Я надеюсь, вы выбросите ее, Реджинальд, потому что она принесет в дом несчастье. Даже тому месту, где она была похоронена, не повезло – это было великое аббатство, а теперь там лишь безжизненные руины. Взгляните! Она похожа на Флоренс.

Флоренс улыбнулась в ответ на эти слова – и сходство стало еще разительнее. Ева вздрогнула, заметив это.

– Чепуха, Дороти! – воскликнул мистер Кардус, увлекавшийся антиквариатом и теперь начисто забывший о своем первом испуге, вновь превратившись в ревностного коллекционера. – Это же великолепная находка! Впрочем... я совсем забыл! – Тут в голосе его прозвучало явное разочарование. – Ведь эта шкатулка принадлежит мисс Чезвик.

– О, вы можете забрать ее! – поспешно сказала Ева. – У меня нет ни малейшего желания владеть ею.

– Прекрасно, я вам очень признателен! Я высоко ценю подобные реликвии.

Тем временем Флоренс медленно обошла вокруг стола и уставилась прямо в хрустальные глаза.

– Что ты делаешь, Флоренс? – резко окликнул ее Эрнест; сцена была жутковатой и раздражала его.

– Я? – усмехнулась Флоренс. – Я ищу вдохновения. Это лицо выглядит таким мудрым, возможно, она чему-нибудь научит меня. Кроме того, мы с ней так похожи – я думаю, она могла бы быть кем-то из моих предков.

«Значит, она тоже это заметила!» – подумал Эрнест.

– Положи ее обратно в шкатулку, Джереми! – распорядился мистер Кардус. – Мне придется заказать для нее воздухонепроницаемый ящик.

– Я сам могу его сделать – буркнул Джереми. – Обновлю свинцовые стенки первой шкатулки, а одну сторону сделаю стеклянной.

Джереми очень осторожно взял голову. Положив ее в дубовую шкатулку, он тщательно смахнул пыль, закрыл дверцу и повесил шкатулку на крюк, торчавший из деревянной настенной панели в углу комнаты.

– Ну хорошо, – сказала Флоренс. – Теперь, когда вы убрали вашего ангела-хранителя на место, я полагаю, мы можем пойти домой. Никто не хочет немного прогуляться вместе с нами?

Дороти сказала, что пойдут все – кроме, разумеется, мистера Кардуса, вернувшегося в свой кабинет. Когда дружная компания тронулась в путь, Флоренс улучила момент и шепнула Эрнесту, что хочет поговорить с ним. Это встревожило и расстроило юношу – он боялся Флоренс и хотел прогуляться с Евой; по всей видимости, все эти мысли явственно отразились на его лице.

– Не бойся! – усмехнулась Флоренс. – Я не собираюсь говорить тебе ничего неприятного.

Разумеется, Эрнест отвечал, что ничего неприятного она сказать ему и не может, девушка вновь слабо улыбнулась, и они немного отстали от остальных.

– Эрнест, – решительно начала Флоренс, – я хочу поговорить с тобой. Ты, конечно, помнишь, что произошло между нами два вечера назад на этом самом пляже.

– Да, Флоренс, я помню, – отвечал Эрнест.

– Так вот, то, что я сейчас собираюсь сказать, трудно выговорить любой женщине, однако я должна это сделать. Я ошиблась, Эрнест, говоря тебе, что люблю тебя, да еще и в такой необузданной манере. Сама не знаю, что на меня нашло – какой-то дурацкий порыв, наверное. Женщины по природе своей любопытны и взбалмошны, а я любопытнее всех прочих. Полагаю, я думала, что люблю тебя, Эрнест – мне так показалось, когда ты поцеловал меня; однако вчера вечером, когда я увидела тебя на танцах у Смитов, я вдруг поняла, что это было ошибкой, и ты мне просто симпатичен – не более чем я симпатична тебе. Ты меня понимаешь?

Он не понимал ровным счетом ничего, однако поспешно кивнул, чувствуя, что для него все складывается наилучшим образом.

Флоренс бросила на него быстрый взгляд и продолжала:

– Итак, сейчас, на том же самом месте, где я произнесла те слова – я беру их обратно. Забудем эту глупую сцену, Эрнест. Я ошибалась, говоря, что мои чувства глубоки, как это море – я думаю, они не глубже ручья. Однако прежде, чем мы закончим этот разговор, ответь мне на один вопрос, Эрнест.

– Разумеется, Флоренс, если смогу.

– Когда ты... ну... поцеловал меня в тот вечер – ты ведь на самом деле ничего не чувствовал? Просто шалость, порыв – но не потому, что ты любил меня? Не бойся сказать мне правду, если это было так – я не стану сердиться. Это ты должен простить меня – ведь я сейчас разрушаю твою веру, не так ли?

С этими словами она впилась в его лицо пронзительным и недобрый взглядом.

Эрнест отвел глаза, не в силах выдержать этот взгляд. Легкомысленная ложь, что мужчины не видят стыда в том, чтобы воспользоваться порывом женщины, просилась на язык – но он не мог заставить себя произнести эти слова. Он не мог сказать ей прямо, что не любит ее – и потому постарался ответить уклончиво:

– Я думаю, что ты, возможно, была более серьезна, чем я, Флоренс.

Она рассмеялась – и от этого смеха ледяные мурашки поползли по спине юноши.

– Спасибо за откровенность, это сильно облегчает дело, не так ли? Но знаешь... я ведь догадывалась. Особенно сегодня, когда стояла и смотрела на эту мертвую голову, как раз в тот миг, когда ты взял Еву за руку.

– Но как! – вскинулся Эрнест. – Ведь ты стояла спиной к нам!

– Да, но вы отразились в хрустальных глазах. Знаешь... когда я стояла и рассматривала вас в этом отражении, мой рассудок был чист и бесстрастен, словно я и была той мертвой женщиной... Я внезапно обрела мудрость. Однако нам пора, остальные заждались.

– Я надеюсь, мы останемся друзьями, Флоренс? – с тревогой спросил Эрнест.

– О да, Эрнест. Женщина всегда ревниво и с большим интересом следит за карьерой своего бывшего поклонника – а ты успел побыть моим поклонником примерно пять секунд – пока целовал меня. Теперь я буду следить за тобой всю оставшуюся жизнь, и мои мысли будут сопровождать тебя, словно тень. Спокойной ночи, Эрнест, спокойной ночи! – И она вновь улыбнулась насмешливой улыбкой, так похожей на улыбку мертвой женщины, и на мгновение задержала на юноше свой странный пронзительный взгляд.

Эрнест пожелал ей доброй ночи и отправился домой вместе с остальными, чувствуя, что в сердце его поселился холодный страх.

Глава 11. Глубокие воды

Джереми, не откладывая, занялся приведением в надлежащий вид «ведьмы» – так таинственную голову прозвали в Дум Несс; он изготовил воздухо непроницаемую витрину удлиненной формы, чтобы позволить красивым волосам растянуться во всю длину – однако сохранил и оригинальную защелку, и дубовую дверцу. Следующим шагом должна была стать подгонка передней стеклянной панели и откачивание из витрины воздуха. В результате витрина приобрела вид часов, и ее можно было вешать на стену в гостиной.

Он как раз этим и занимался, когда в гостиную заглянул непрошенный гость – это был уже известный нам мистер де Талор – и заметил, что Джереми сделал на редкость уродливые часы. Джереми, не любивший де Талора, отвечал на это, что он не будет так говорить, когда увидит всю вещь целиком – с этими словами он открыл дубовую дверцу и развернул витрину так, чтобы ужасные хрустальные глаза смотрели на де Талора. Результат превзошел все ожидания. На мгновение де Талор замер, потом ахнул, потом смертельно побледнел и отшатнулся назад. Джереми воспользовался этим и без лишних церемоний закрыл дверь перед носом де Талора. Надо сказать, что де Талор вскоре пришел в себя, однако в течение многих лет ничто не могло заставить его войти вновь в эту комнату. Что же касается самого Джереми, то нужно сказать, что поначалу он ужасно боялся «ведьмы», но со временем – а работа заняла несколько дней – страх ушел, и Джереми начал испытывать даже нечто вроде мрачного удовлетворения. Он проводил долгие часы в своей мастерской, шлифуя дерево и стекло, подгоняя петли и замыкая швы, – но голова при этом была свободна, и он выдумывал разные истории, в которых прекрасное и зловещее создание, чья голова таким чудесным образом сохранилась и попала к ним в руки, играло главную роль. Было так странно смотреть на эту презрительную усмешку, на это прекрасное лицо – и думать, что давным-давно, столетия назад, мужчины любили целовать эти губы и играть с этими густыми волосами.

Такова уж она была, эта древняя реликвия, сохранившая, благодаря непревзойденному мастерству какого-то старого монаха или алхимика, всю свою красоту на долгие годы после того, как утихли последние отголоски трагедии, с которой, должно быть, была связана ее смерть. Джереми был уверен, что здесь кроется какое-то ужасное преступление; пока он прилежно прижимал и забивал свинцовые прокладки, в голове у него составила целая история о тех временах – и он даже начал проверять свои предположения, косясь на «ведьму» и стараясь угадать, соглашается она с его версиями или нет. Способ подтверждения был прост: дрожат ли хрустальные глаза, когда он говорит. Работа была кропотливой и медленной, но и придумывать истории Джереми был не мастак, так что мысли его текли неспешно, под стать работе – и вскоре он поддался какому-то странному очарованию собственных историй. Ему стало даже казаться, будто это честь для него – такая прекрасная дама посвящает его в свои тайны...

Но если для Джереми голова покойницы служила источником вдохновения, то деда его она совершенно околдовала. Старый Аттерли теперь то и дело сбегал из своего кабинета, чтобы заглянуть в мастерскую к Джереми и хоть одним глазком полюбоваться на мертвую красавицу. Однажды поздно вечером, когда работа была уже почти закончена, а Джереми был дома, он вспомнил, что не закрыл дверь мастерской. Джереми снова надел куртку, вышел из дома через заднюю дверь и пересек двор, доставая из кармана ключ. Луна светила очень ярко, и Джереми в мягких домашних туфлях шел практически бесшумно. Когда он подошел к мастерской и собирался запереть дверь, ему почудился какой-то странный звук, доносившийся изнутри. Скажем прямо, Джереми был испуган – и на мгновение в его голове мелькнула мысль об отступлении. Пускай голова сама о себе позаботится! Эти хрустальные глаза были интересны при свете дня, однако он не испытывал ни малейшего желания смотреть в них ночью. Пусть это было глупо... но они выглядели слишком живыми!

Он промедлил еще несколько секунд – и странный звук повторился; тогда Джереми решился на компромисс: он прошел за угол и заглянул в маленькое окошко своей мастерской. С бьющимся сердцем Джереми осматривал такое знакомое помещение... Лунный свет ярко освещал стол и длинный корпус витрины, которую Джереми уже изготовил. Он точно помнил, что запер голову в футляр, но теперь он был открыт, Джереми ясно видел, как отражается лунный свет в хрустальных глазах. В этот момент странный бормочущий звук опять повторился. Джереми шарахнулся назад, вытер пот со лба и второй раз за вечер подумал о побеге. Однако любопытство оказалось сильнее, и он снова шагнул к окошку. На этот раз он разглядел источник странных звуков.

На его рабочем табурете сидел старый Аттерли, уставившись на голову, и что-то неразборчиво бормотал себе под нос. Эти звуки Джереми и слышал через дверь. Зрелище было жутковатым, и Джереми почувствовал, как холодок пробежал у него по спине.

Пока он стоял и думал, что делать, старый Аттерли встал, закрыл футляр и вышел из мастерской. Джереми поспешил к двери, запер ее и вернулся к себе в комнату, продолжая недоумевать по поводу увиденного. Однако о произошедшем он никому не сказал ни слова, просто с того вечера старался не оставлять двери мастерской открытыми.

Наконец работа была полностью сделана – и для любителя вышло совсем не плохо. Как мы уже и говорили, витрина отправилась на крюк, вбитый в стену гостиной, где ее и увидел мистер де Талор.

Однако с того самого дня, как мисс Ева Чезвик едва не оказалась на дне пропасти в результате своих археологических изысканий, дела в Дум Несс пошли плохо. Все это чувствовали – разве что кроме Эрнеста, голова которого была занята совсем другими вещами. Дороти в те дни выглядела очень несчастной, похудевшей и усталой, хотя, если ее спрашивали о самочувствии, упрямо отвечала, что еще никогда в жизни не чувствовала себя лучше. Несчастен был и Джереми – и у него имелась на то веская причина. Он подхватил лихорадку, которой женщины, подобные Еве Чезвик, способны поражать сынов человеческих. Джереми был натурой самодостаточной и глубокой, и душа, скрывавшаяся под могучей оболочкой, была нежна и ранима. Он не часто давал волю чувствам, но если уж любил – то всем сердцем и изо всех сил. Именно там, в глубине этой честной и чистой души, навеки запечатлелся образ Евы Чезвик – еще до того, как сам Джереми смог осознать это. Словно на фотографической пластине, Ева Чезвик отпечаталась на его сердце, и теперь он смутно чувствовал, что это навсегда, и что эта пластина больше никогда не сможет быть использована заново.

Ева была так добра к нему; ее глаза сияли так ярко и дружелюбно, когда они встречались... Джереми был уверен, что нравится ей (и это на самом деле было так), даже осмелился однажды неловко пожать эту изящную ручку – и ему показалось, что он ощутил ответное пожатие, после чего он не спал всю ночь.

Вероятно, он ошибался во всем. Именно в тот момент, когда он начал чувствовать себя на вершине блаженства, появился Эрнест – и все надежды Джереми растаяли, как ночной туман в лучах утреннего солнца. В тот самый миг, когда эти двое встретились, Джереми уже знал, что для него все кончено. Словно для того, чтобы подтвердить это, Провидение само явилось к нему в облике маленькой монетки, и Джереми проиграл окончательно, даже без права на последнюю попытку. Что ж, все было честно... но пережить это было тяжело, и он впервые в жизни чувствовал, что сердится на Эрнеста. Да, он был зол на своего друга – и это делало Джереми еще более несчастным, ибо он знал, что гнев его несправедлив. И братская любовь, которую он испытывал к Эрнесту, не могла с ним смириться.

Несмотря на все это, тень, упавшая между ними, все сгущалась.

Мистер Кардус тоже переживал нелегкие времена – впрочем, в его случае они были связаны исключительно с тем, о чем никто из его молодых воспитанников не знал: с идеей мести, которая постепенно превращалась в манию. Мистер де Талор, которого он задался целью уни-

чтожить, неожиданно выскользнул из-под его власти, и Кардус пока не знал, каким образом он может вернуть свое влияние на этого человека. Это огорчало и нервировало его до крайности.

Что касается «лихого наездника Аттерли», то с тех пор, как он посмотрел в хрустальные глаза «ведьмы», разум его помутился окончательно и бесповоротно; Аттерли окончательно уверился в том, что мистер Кардус на самом деле является дьяволом. Дороти, всегда приглядывающая за стариком – дедом, который не знал, что она его внучка, – заметила изменения, произошедшие в его поведении. Он, как и прежде, усердно трудился, переписывая бумаги в конторе, однако теперь делал это с удвоенной энергией, словно стремясь поскорее освободиться от некоего обязательства. Кроме того, с таким же удвоенным вниманием он продолжал вырезать отметки на своей трости. Казалось, в жизни несчастного безумца появилась какая-то новая цель. Дороти забеспокоилась и обратила внимание мистера Кардуса на эти изменения, однако адвокат только рассмеялся и сказал, что они, скорее всего, связаны с полнолунием и скоро пройдут.

Уж если кто в Дум Несс и был счастлив – так это Эрнест... разумеется, если не считать тех дней, когда он тонул в пучине отчаяния, а это случалось не менее трех раз в неделю. Когда Дороти впервые обратила внимание на его жалкий вид и отсутствие аппетита, она немедленно встревожилась и после ужина учинила Эрнесту настоящий допрос, чтобы узнать, в чем дело. Не прошло и пары минут, как она горько пожалела о своей настойчивости, поскольку счастливый влюбленный вывалил на нее целый ворох своих любовных переживаний, и продолжалось это не менее часа. Оказывается, еще один молодой джентльмен из тех, что присутствовали на балу у Смитов и танцевали с прекрасной Евой, добился определенных успехов: он нанес визит – трижды, прислал цветы – дважды (сам Эрнест посылал цветы каждое утро, обманом срезая прямо под носом у Сэмпсона лучшие орхидеи), гулял с Евой по окрестностям – один раз.

Дороти покорно слушала и молчала, пока Эрнест не выдохся сам. Только тогда она произнесла:

– Так ты и впрямь любишь ее, Эрнест?

– Люблю? Да я...

Однако мы не станем пересказывать здесь все цветистые и восторженные речи молодого человека. Когда он смолк, Дороти сделала удивительную вещь: она поднялась со стула, подошла к Эрнесту и нежно поцеловала его в лоб. Как он ни был взволнован мыслями о Еве, ему все же бросились в глаза черные круги под глазами девушки.

– Я надеюсь, ты будешь счастлив, мой дорогой брат. У тебя будет прекрасная жена, и я думаю, что она столь же добра, сколь и прекрасна.

Дороти говорила совсем тихо, и голосок ее звучал, как всхлип. Эрнест поцеловал ее в ответ, и она выскользнула из комнаты.

Он недолго помнил об этом инциденте. Буквально через пять минут все его мысли снова заполонила Ева – он был всерьез и искренне влюблен. Честно говоря, его выходки на почве этой безумной влюбленности заставили бы плакать даже ангелов – при виде того, как человеческое существо с нормальным, на первый взгляд, мозгом так самозабвенно превращает самого себя в полного осла.

Например, он мог ночи напролет прогуливаться вокруг коттеджа мисс Чезвик. Однажды он вздумал забраться в сад, чтобы без помех любоваться заветными окнами – но был сильно укушен собакой, после чего вынужден был обратиться в бегство; целую милю его преследовали не только означенная собака, но и констебль, чьи подозрения вызвала загадочная фигура, слоняющаяся вокруг коттеджа. На следующий день Эрнест имел удовольствие услышать из любимых уст зловещую историю о попытке кражи со взломом – однако во время рассказа на этих устах играла легкая улыбка: по всей видимости, Ева догадывалась, кто был тот несостоявшийся взломщик. Впрочем, Эрнест после этого случая довольно долго хромал, чему не стоило удивляться, учитывая, какие раны нанесли ему острые зубы свирепой твари по кличке Таузер.

После этого Эрнесту пришлось отказаться от ночных бдений под окнами любимой, но он находил и другие безумные способы выразить свою любовь. Как-то раз он без предупреждения плюхнулся на колени посреди гостиной и жарко поцеловал руку Евы, а затем, придя в ужас от собственной дерзости, стремглав убежал из комнаты.

Поначалу все это очень забавляло Еву. Она была довольна своей победой и находила особое удовольствие в том, чтобы командовать и даже помыкать влюбленным Эрнестом. Ожидая его визита, она старалась украсить себя, как только возможно, и использовала все маленькие женские хитрости и уловки, чтобы еще больше поработить несчастного. Почему-то даже годы спустя, вспоминая Еву, Эрнест прежде всего вспоминал ее такой, какой она была в этот короткий период их жизни. Он словно воочию видел, как она сидит на стуле в гостиной коттеджа, изящно откинувшись на спинку таким образом, чтобы продемонстрировать свою великолепную фигуру в наилучшем виде; видел маленькую ножку и тонкую щиколотку, словно невзначай выглядывающую из-под струящихся складок белого платья. На коленях у нее сидел маленький скай-терьер Тейлз – подарок соперника Эрнеста, сделанный две недели назад, – и Ева самым возмутительным образом то и дело целовала маленькую бестию, а глаза ее сияли невинным кокетством. Эрнест ни секунды не испытывал расположения к проклятому скай-терьеру! Для него было мукой смотреть, как драгоценные поцелуи растрачиваются на собаку, а Ева, прекрасно видя и понимая его мучения, целовала песика еще чаще и нежнее.

Однажды Эрнест не выдержал.

– Убери эту собаку! – безапелляционно заявил он.

Ева повиновалась – но тут же вспомнила, что никто не имеет права диктовать ей, что делать, и снова подхватила пса на руки. Однако Тейлз, который, надо сказать, довольно скептически относился к поцелуям, счел, что все это становится слишком скучным, вывернулся из рук девушки и удрал в сад.

– Почему это я должна была убрать свою собаку?! – с легким вызовом спросила Ева.

– Потому что я ненавижу, когда ты ее целуешь – это так... жеманно!

Он произнес это по-хозяйски – и это было первым намеком на желание обуздать Еву, а гордая женщина ничто в жизни не ненавидит так, как попытки обуздать ее.

– Какое право ты имеешь диктовать мне, что я должна или не должна делать? – грозно спросила она, постукивая ножкой по полу.

Эрнест в те дни был само смирение, он сдался мгновенно.

– Ничего, нет-нет, не сердись, Ева, – он впервые назвал ее просто по имени, до этого она всегда была для него мисс Чезвик. – Но я правда не могу видеть, как ты целуешь этого пса, я ревную к этой бестии!

Яркий румянец вспыхнул на щеках Евы, и она переменила тему разговора. Через некоторое время кокетство Евы пошло на убыль. Теперь при встрече она уже не улыбалась Эрнесту прежней озорной улыбкой, но была серьезна, и ему не единожды казалось, что глаза у нее были заплаканы. Своей холодностью она приводила Эрнеста в отчаяние. Он говорил ей комплименты – она делала вид, что не замечает их, хотя румянец на щеках свидетельствовал, что это не так! Когда бы он ни прикасался к ее руке – она была холодна и безжизненна. Ева стала спокойнее – и это до смерти напугало Эрнеста. Однажды он попытался растопить этот лед пылкими речами, но она молча встала и отошла к окну. Он последовал за ней – и увидел, что ее темные глаза полны слез. Это оказалось еще ужаснее, чем ее холодность, и Эрнест, испугавшись, что обидел ее, беспрекословно повиновался ее тихой просьбе и ушел. Бедный мальчик! Он был очень молод. Будь он чуть опытнее, он бы нашел способ осушить эти слезы и развеять собственные сомнения. Как печально, что подобный опыт мы обретаем тогда, когда нам уже нет в нем большой нужды...

Секрет Евы был очень прост. Она слишком долго играла с огнем – и он обжег ее. Темноглазый красивый мальчик со счастливым взглядом, который так хорошо танцевал, стал очень

дорогим для нее человеком. Раньше она играла с ним – увы, теперь она любила его больше всех на свете. Это было ужасно: она влюбилась в своего сверстника, в *юношу*, который, насколько ей было известно, не имел особых перспектив в жизни. Ее гордость страдала, ей казалось унижительным, что она, уже выезжавшая в Лондоне, уже имевшая там пару вполне солидных и взрослых поклонников, стоявших перед ней на коленях и безропотно повиновавшихся ее приказам, должна сдаться и отдать свою красоту мальчику двадцати одного года, пусть даже в нем и шесть футов роста, а в сердце больше любви, чем во всех ее солидных поклонниках, вместе взятых...

Возможно, Ева, будучи вполне сформировавшейся женщиной, все же не была достаточно взрослой, чтобы понять огромное преимущество любой девушки, чей образ с такой силой запечатлелся в сердце мужчины, который ей нравится; пока души обоих еще не очерствели и не закалились. Возможно, она просто не знала, какое это благословение – любить, и неважно – молодого или старого мужчину. Многие женщины слишком долго ждут, чтобы научиться не стыдиться своей любви. Возможно, она просто не понимала, что молодость Эрнеста – это тот недостаток, который очень скоро исчезнет, и что у него есть способности, которые могли бы привести его на сияющие вершины – если только она согласится вдохновлять его. Как бы там ни было – после долгих раздумий Ева понимала только две вещи: она любит Эрнеста всем сердцем – и стыдится этого.

Однако девушка пока не могла решиться и сделать выбор. Легче всего было бы сокрушить беднягу Эрнеста, сказать ему, что его притязания смешны, прогнать его или уйти самой – и тем самым положить конец ситуации, которая казалась Еве все более абсурдной и которую никак – мы можем в этом не сомневаться – не помогала разрешить ее старшая сестра Флоренс. Однако Ева не могла этого сделать. Одна только мысль о жизни без Эрнеста заставляла ее похолодеть от ужаса; ей казалось, что единственное время, когда она была по-настоящему жива, – это время, проведенное с Эрнестом; он ушел и забрал ее сердце с собой. Нет, она не могла на это пойти, это было бы слишком жестоко.

Было и еще одно решение: поощрить его ухаживания и согласиться на помолвку, отважиться на все ради него. Но и на это девушка пока не могла решиться.

Ева Чезвик была очень мила, очень красива и очень добра, однако решительности ей явно не хватало...

Глава 12. Еще глубже

Пока Эрнест ухаживал, а Ева сомневалась, Время, чей интерес к земным делам подобен интересу, который серп проявляет к созревшему урожаю, продолжало свой неспешный и неотвратимый бег.

Наступил конец августа – как наступал он уже тысячи раз с тех пор, как земля впервые совершила вращение вокруг своей оси и как наступит еще тысячи раз, пока не кончится отмеренный земле срок и мир не погрузится во тьму; дни сменялись днями, но – Эрнест все так же ухаживал, Ева – все еще сомневалась...

Однажды вечером – это был очень красивый вечер – пара гуляла по берегу моря. Назначили они свидание заранее или встретились случайно – не имело никакого значения, главным было то, что они встретились и теперь шли рука об руку, заряженные своими чувствами, словно грозовое облако – электричеством. Впрочем – буря пока еще не разразилась.

Подслушавший их разговор мог бы подумать, что эти двое впервые познакомились лишь вчера. Говорили они в основном о погоде.

Беседуя, они набрели на небольшую парусную лодочку, вытасченную на берег, однако оставленную не так уж далеко от воды. В лодке стоял и задумчиво смотрел на море пожилой моряк. Руки он засунул в карманы, зубами крепко сжимал трубку, а взгляд его был устремлен куда-то в морскую пучину. По всей видимости, он не заметил появления влюбленной пары, пока они не оказались в двух ярдах от него. Только теперь он пришел в себя, развернулся, учтиво поклонился и поинтересовался, не хочет ли молодая леди совершить морскую прогулку.

Эрнест выглядел удивленным, но и обрадованным.

– А каков ветер?

– Дует прямо от берега, сэр, а с приливом повернет в обратную сторону и в лучшем виде доставит вас на место.

– Не хочешь отправиться под парусами в море, Ева?

– О нет, благодарю. Мне уже пора домой, семь часов.

– Тебе незачем так спешить. Твоя тетушка и Флоренс отправились на чай к Смитам.

– Да нет же, я не могу... я просто и подумать не могла...

Ева отказывалась вполне недвусмысленно, но моряк истолковал ее слова по-своему. Он уверенно подтянул парус, а потом спрыгнул на песок и сильным движением толкнул лодку в воду, так, чтобы она стояла прямо.

– Прошу вас, мисс.

– Да нет же, я не пойду.

– Прошу вас!

– Эрнест, я не хочу!

– Пойдем, Ева, – улыбнулся Эрнест, протягивая ей руку.

Ева приняла ее и грациозно запрыгнула в лодку. Эрнест и моряк вместе толкнули маленькое суденышко, Эрнест ловко прыгнул в лодку – и порыв ветра в тот же миг наполнил парус, разом отогнав лодку от берега ярдов на десять.

– Почему моряк остался на берегу? – спросила Ева.

Эрнест уверенно управлялся со снастями. Заложив курс от берега, он неторопливо оглянулся. Моряк стоял на берегу в той же задумчивой позе, в какой они нашли его – руки в карманах, трубка во рту, взгляд устремлен на воду.

– Мне кажется, он не против, чтобы мыплыли без него, – заметил Эрнест.

– Возможно, но ты должен вернуться за ним!

Эрнест произвел несколько энергичных манипуляций – нисколько, впрочем, не повлиявших на ход лодки, – и вывел судно на открытую воду.

– Сейчас мы обогнем скалу, развернемся и заберем его.

Однако когда они совершили поворот и вернулись к тому пляжу, от которого отплывали, моряка на берегу не оказалось!

– Очень жаль! – заметил Эрнест. – Вероятно, он отправился выпить чашечку чая.

Ева собиралась рассердиться – но ей это так и не удалось, и она рассмеялась.

– Если бы я думала, что ты сделал это нарочно, я бы ни за что, никуда и никогда больше с тобой не пошла!

Эрнест выглядел испуганным.

– Нарочно?!

Они сидели бок о бок на корме, а раскаленное солнце медленно тонуло в океане. Под утесом уже залегли прохладные тени, но по воде прямо перед ними расстилалась великолепная золотая дорожка. Воздух был чист и свеж; для двух этих людей мир был прекрасен и беспечален – на земле их не ждали тревоги, на море – шторма...

Ева сняла шляпку, и прохладный ветерок играл с ее локонами. Она опустила руку в воду и задумчиво следила за серебристой дорожкой, которую прочертили в воде ее пальцы.

– Ева...

– Да, Эрнест?

– Ты знаешь, я уезжаю.

Ева резко вытащила руку из воды.

– Уезжаешь? Когда?

– Послезавтра. Сначала в Гернси, а оттуда во Францию.

– А когда же ты вернешься?

– Думаю, это зависит... от тебя, Ева.

Рука девушки снова вернулась в воду. Теперь они находились примерно в миле от берега. Эрнест ловко управлялся с парусом, и лодка плыла параллельно земле. Чуть помолчав, он снова заговорил:

– Ева...

Молчание.

– Ева, ради бога, посмотри на меня!

В его голосе прозвучало нечто, заставившее ее повиноваться. Она вытащила руку из воды и взглянула Эрнесту в глаза. Лицо юноши было бледно, губы дрожали.

– Я люблю тебя, – сказал он тихим, низким, хриплым голосом.

Ева рассердилась.

– Зачем ты потащил меня в море? Я хочу домой! Все это чушь; ты всего лишь мальчик!

Бывают в жизни такие моменты, когда человеческое лицо способно передать чувства и эмоции куда ярче любых слов – словно сама душа говорит на этом немом языке. Так произошло сейчас с Эрнестом: он не ответил ни слова на упреки девушки, но лицо его побледнело еще сильнее, а сверкающие, словно звезды, глаза буквально впились в Еву. То, что говорил этот взгляд – знали оба, да и не было таких слов в земных языках, чтобы передать во всей полноте то, что чувствовали сердца...

Еще мгновение Ева держалась, сражаясь с этим молчаливым призывом всем своим женским естеством, а затем... О небеса! Она оказалась в его объятиях, руки его обвились вокруг ее талии, ее голова склонилась к нему на грудь, и все ненужные слова потонули во всхлипах и бессвязных признаниях...

О лучезарный час почти убийственного счастья; сердца, которых коснулось это блаженство, узнают в свой час, что все это было не напрасно...

Теперь эти двое молчали – не было необходимости в словах, слова не могли передать и половины того, что каждый из них хотел бы сказать. Да и, говоря по правде, губы влюбленных были заняты совсем другим...

Не было необходимости в словах

Тем временем солнце совсем зашло, и над тихим морем поднялась медовая луна, залив маленький корабль серебром. Ева осторожно высвободилась из рук Эрнеста и подалась вперед – она никогда не думала, что луна может быть столь прекрасна. Эрнест тоже смотрел на луну. Влюбленные всегда так делают.

– Ты знаешь эти строки?

Тихо по морю скользя,
Лунный свет корабль качает,
Небеса благословляют
То, что выразить нельзя...

– Продолжай... – тихо шепнула она.

– Что за время, час иль век,
Сотворение ли мира,
Мы плывем в волнах эфира
В Рай – и быть ему вовек...

– Я надеюсь, именно так с нами и будет, мой дорогой! – тихо сказала Ева, беря Эрнеста за руку.

– Ты счастлива?

– Да, Эрнест, я бесконечно счастлива. Наверное, я никогда не буду счастливее, чем в эту минуту... и никогда не была так счастлива раньше. Знаешь, я хочу тебе сказать... должна сказать – я была такой ужасной! Я так боролась со своей любовью к тебе!

Эрнест вздрогнул, словно от боли.

– Но почему?

– Я скажу честно, Эрнест, – потому что ты так молод. Мне было стыдно... влюбиться в мальчика. Но ты сильнее меня, я не смогла больше сопротивляться.

– Ева, почему – ведь мы ровесники!

– Ах, Эрнест, ведь я женщина, я старше тебя не годами... Мы ведь взрослеем и стареем гораздо быстрее, чем вы. Я чувствую себя достаточно старой, чтобы быть тебе матерью.

– Да? А вот я чувствую себя достаточно старым, чтобы быть твоим любовником! – довольно дерзко отвечал юноша.

– Возможно... Если бы три месяца назад кто-нибудь сказал мне, что я полюблю мальчишку двадцати одного года, я бы не поверила. Дорогой мой, я отдала тебе свое сердце без остатка... ты ведь не предашь меня? Ты знаешь, молодые люди склонны менять свои решения...

Эрнест вспыхнул, досадуя, что никак не может изменить свой неудобный возраст – двадцать один год так и маячил перед ними в темноте.

– В таком случае, я скажу, что это молодые люди без чести. Тот, кто полюбил тебя, уже никогда не сможет тебя забыть. Гораздо вероятнее, что это ты забудешь обо мне, у тебя будет достаточно соблазнов сделать это.

Ева увидела, что юноша на самом деле огорчен и обижен.

– Не сердись, мой дорогой. Ты же видишь, положение очень серьезное. Если бы я не могла быть абсолютно уверена в тебе, это было бы невыносимо.

– Любимая, ты можешь быть уверена во мне, насколько вообще женщина может быть уверена в мужчине, – только не позволяй сомнениям вновь овладеть тобой. Все кончено. Мы так счастливы этим вечером! Без сомнения, так будет не всегда – но сегодня мы счастливы.

Они снова поцеловались и поплыли к берегу – увы, было уже слишком поздно – а счастье переполняло их сердца.

Вскоре они приблизились к берегу и нашли старого моряка там же, где и оставили его. Он по-прежнему задумчиво смотрел в море, держа руки в карманах, а трубку – в зубах.

Эрнест ловко направил лодку к берегу, выпрыгнул на песок, и вдвоем с моряком они вытянули ее на пляж. Ева вышла из лодки, и ей показалась, что в лунном свете глаза старого моряка как-то странно блеснули. Она смутилась – неисповедимы пути совести – и завела с моряком разговор, чтобы скрыть смущение, пока Эрнест искал деньги, чтобы заплатить за лодку.

– Вы часто сдаете лодку напрокат?

– Нет, мисс, вообще-то только мастеру Эрнесту!

(Так значит, это все-таки была ловушка хитрого Эрнеста!)

– О! Тогда, полагаю, вы на ней ходите рыбачить?

– Нет, мисс, только для этого... как его... для развлечения.

– Тогда чем же вы занимаетесь? – Еве стало любопытно.

– Когда и ничего, мисс. Когда просто стою, да и смотрю на море. А когда и сыры сплавляю.

– Сплавляете... сыры?

– Ну да. Голландские, сталбыть.

Эрнест рассмеялся ее удивлению.

– Он переправляет партии голландского сыра в Харвич.

– А!

Эрнест расплатился, и они пошли прочь, однако не прошли и нескольких ярдов, как Ева почувствовала у себя на плече тяжелую руку. Обернувшись в изумлении, она увидела перед собой старого моряка.

– Мисс, я чего сказать-то хотел! – хриплым шепотом вымолвил он.

– Да, я слушаю.

– Вы это самое... *никогда не ешьте корки голландского сыра*, вот чего! Верно говорю!

Ева никогда не забывала этого совета.

Глава 13. Мистер Кардус объявляет о своих планах

– Эрнест, – сказал мистер Кардус наутро после событий, описанных в предыдущей главе, – я хочу поговорить с тобой у себя в кабинете. И с тобой тоже, Джереми.

Они последовали за ним в кабинет, гадая, в чем дело. В кабинете мистер Кардус расположился у себя за столом, дождался, пока усядутся Эрнест и Джереми, а потом начал, по обыкновению не глядя им в глаза:

– Пришло вам время, ребята, заняться делом и собой. Не следует учиться праздности – тому, что предпочитает большинство молодых людей. Чем вы сами предполагаете заняться?

Джереми и Эрнест переглянулись с довольно глупым видом, но, по счастью, мистер Кардус и не ждал от них немедленного ответа. Во всяком случае, он продолжал, не дав им произнести ни слова:

– Вы, кажется, никогда всерьез об этом не задумывались; буквально следуя завету Библии, вы не думали о завтрашнем дне. Что ж, вам повезло, что у вас есть тот, кто подумал об этом за вас. Вот что я собираюсь предложить вам обоим. Твое будущее, Эрнест, я хотел бы видеть в адвокатуре. Большинство молодых людей почитают это занятие глупым и скучным, однако это не твой случай: если ты проявишь способности и усердие, я мало-помалу буду передавать свое дело в твои руки – а в конце концов к тебе перейдет вся моя контора, ибо ничего другого у меня нет. Полагаю, ты иногда задаешься вопросом – что же это за дело? На первый взгляд, я не слишком погружен в дела, не так ли? Старый безумец служит у меня клерком, Дороти переписывает мои личные письма... и тем не менее, дела идут, принося доход. Могу сказать вам обоим по секрету – здесь сосредоточена лишь часть моего бизнеса. Другая моя контора находится в Лондоне, еще одна в Ипсвиче, третья – в Норвиче, хотя все они записаны на другие имена. Кроме этого я владею и другими конторами, самой разной направленности. Однако разговор сейчас не о них. Я связывался с Астером, большим человеком в суде – у него в канцелярии намечается вакансия. Дайте-ка взглянуть... да, со 2 ноября. Таким образом, Эрнест, я предлагаю тебе место в Линкольнс-Инн. Кроме того, я выделяю тебе ежегодное содержание в 300 фунтов и надеюсь, ты понимаешь, что не должен выходить за границы этой суммы. Вот, собственно, и все, что касается тебя.

– Уверяю вас, я очень признателен вам, дядя! – горячо сказал Эрнест, как раз накануне вечером ясно осознавший, что ему необходимо найти себе какое-то занятие.

Однако дядя прервал его.

– Хорошо, хорошо, Эрнест, все понятно. Теперь о тебе, Джереми. Я предлагаю тебе работать на меня, и если ты будешь прилежен и докажешь свою полезность, то со временем я намерен выделить тебе часть семейного бизнеса. Чтобы ты не чувствовал себя полностью зависимым, я и тебе намерен назначить ежегодное содержание, сумму которого определю позднее.

Мысленно Джереми застонал: перспектива стать адвокатом, даже с «долей в семейном бизнесе» его совершенно не привлекала, однако он вспомнил разговор с Дороти и поблагодарил мистера Кардуса со всей сердечностью, на какую только был способен.

– Что ж, прекрасно, в таком случае я подготовлю дела – и ты сможешь занять свое место в конторе уже на следующей неделе. Полагаю, это все, что я хотел вам сказать.

Правильно расценив его слова, юноши собрались уходить. Джереми пребывал в глубокой депрессии, вызванной образом того стула в конторе Кардуса, который ему предстояло занять так скоро. Однако мистер Кардус окликнул Эрнеста:

– С тобой я хочу поговорить еще кое о чем, – задумчиво протянул он. – Закрой-ка дверь.

Холодок пробежал по спине у Эрнеста: не мог ли дядя что-нибудь узнать про них с Евой? Эрнест и сам имел намерение поговорить с ним на эту тему, однако было бы некстати делать это сейчас, когда он еще не нашел нужных слов. Он прикрыл дверь в кабинет, а потом отошел

к стеклянной двери, ведущей в оранжерею, и стал ждать дядиных слов, глядя на цветы. Однако мистер Кардус молчал, словно мысли унесли его куда-то очень далеко...

– Что ж, дядя... – не выдержал, наконец, Эрнест.

– Это деликатное дело, мой мальчик, но я должен покончить и с ним. Я собираюсь сделать тебе предложение, вернее – попросить кое о чем, и не жду от тебя немедленного ответа, поскольку дело это по своей природе таково, что требует тщательного обдумывания. Я хочу, чтобы ты выслушал меня и ничего пока не говорил. Ответ дашь, когда вернешься из-за границы. В то же время хочу предупредить тебя: мне бы не хотелось, чтобы твой ответ разочаровал меня; впрочем, я не думаю, что ты можешь быть настолько жесток. Скажу так же и то, что если это все же произойдет, ты проиграешь очень и очень многое... в финансовом смысле.

– Не имею даже малейшего представления, к чему вы клоните, дядя! – сказал Эрнест, отворачиваясь от двери в оранжерею.

– Не сомневаюсь. Сейчас ты все узнаешь. Слушай же – сначала будет немного истории. Много лет назад меня постигло огромное несчастье. Оно сотворило со мной то же, что иногда делает молния с деревом – оставляя кору невредимой, но сжигая сердцевину в пепел. Подробности не важны, в них не было ничего необычного, такое иногда случается с мужчинами и женщинами. Удар был так жесток, что я едва не повредился рассудком – и с того дня посвятил свою жизнь мести, как бы мелодраматично это ни звучало. Я был жестоко оскорблен и обижен – и решил, что те, кто обидел меня, должны испробовать той же горечи полной мерой. Так и произошло, моя месть настигла всех, кроме одного из них, ему удалось на время скрыться, но он все равно обречен. Неважно, я продолжу. У женщины, из-за которой все произошло – а там, где происходит несчастье, чаще всего оказывается замешана женщина, – были дети. Эти дети – Дороти и ее брат. Я усыновил их. С течением времени я полюбил девочку за ее сходство с матерью. Мальчика я так и не смог полюбить; я и сейчас не люблю его, хотя он настоящий джентльмен, в отличие от своего отца. Тем не менее могу смело сказать, что выполнил свои обязательства и перед ним. Я рассказываю все это тебе, чтобы ты смог лучше понять ту просьбу, с которой я собираюсь к тебе обратиться. Я тебе доверяю – ты никогда не проговоришься об этом и даже забудешь, если сможешь. Так вот, моя просьба...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.